

либерал

Евгения Лёзина

XX век: проработка прошлого

Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы

Евгения Лёзина

**XX век: проработка прошлого.
Практики переходного
правосудия и политика
памяти в бывших диктатурах.
Германия, Россия, страны
Центральной и Восточной Европы**

«НЛО»

2021

УДК 321.6/.8
ББК 60.033.4

Лёзина Е.

XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы / Е. Лёзина — «НЛО», 2021

ISBN 978-5-4448-2318-9

Бывают редкие моменты, когда в цивилизационном процессе наступает, как говорят немцы, *Stunde Null*, нулевой час — время, когда история может начаться заново. В XX веке такое время наступало не раз при крушении казавшихся незыблемыми диктатур. Так, возможность начать с чистого листа появилась у Германии в 1945-м; у стран соцлагеря в 1989-м и далее — у республик Советского Союза, в том числе у России, в 1990–1991 годах. Однако в разных странах падение репрессивных режимов привело к весьма различным результатам. Почему одни попытки подвести черту под тоталитарным прошлым и восстановить верховенство права оказались успешными, а другие — нет? Какие социальные и правовые институты и процедуры становились залогом успеха? Как специфика исторического, культурного, общественного контекста повлияла на траекторию развития общества? И почему сегодня «непроработанное» прошлое возвращается, особенно в России, в форме политической реакции? Ответы на эти вопросы ищет в своем исследовании Евгения Лёзина — политолог, научный сотрудник Центра современной истории в Потсдаме.

УДК 321.6/.8
ББК 60.033.4

ISBN 978-5-4448-2318-9

© Лёзина Е., 2021

© НЛО, 2021

Содержание

Преодолевая равнодушие, страх и молчание	8
Предисловие	16
Часть I	20
1. Денацификация Западной Германии [13]	20
Выявление сторонников нацизма	21
Судебные процессы над военными преступниками	28
Достижения и проблемы денацификации	34
2. Источники изменения официальной коллективной памяти в послевоенной ФРГ [98]	38
Уничтожение и обретение памяти	38
Расширение публичной сферы и появление альтернативных версий памяти	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Евгения Лёзина
XX век: проработка прошлого
Практики переходного правосудия
и политика памяти в бывших
диктатурах. Германия, Россия, страны
Центральной и Восточной Европы

2-е издание, исправленное

В оформлении обложки использована фотография демонстрации перед бывшей штаб-квартирой Штази на Норманненштрассе в Восточном Берлине, Германия. Ulli Winkler / Imago / ТАСС

© Е. Лёзина, 2021; 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2021

© ООО «Новое литературное обозрение», 2021; 2023

* * *

либерал ■ ru

Фонд «Либеральная миссия» был создан в феврале 2000 года, чтобы активно содействовать развитию либеральной идеологии в России. Основная задача Фонда — распространение универсальных либеральных ценностей свободной рыночной экономики, свободы личности и свободы слова как основ существования гражданского общества и правового государства.

Издательская программа Фонда знакомит широкий круг читателей с авторитетными исследованиями, которые посвящены последним достижениям либеральной мысли и перспективам либеральных преобразований в современной России.

Преодолевая равнодушие, страх и молчание

Книга Евгении Лёзиной «XX век: проработка прошлого», которую вы держите в руках, – одно из самых серьезных и глубоких исследований практик выхода из тоталитаризма. В российской научной литературе эта работа – совершенно уникальное явление. Вводится обширный и новый фактический материал, по большей части совершенно неизвестный отечественной публике, а его обобщение строится на опыте политологии, психологии, юриспруденции, социологии. Понимание проблематики социальных процессов XX века, социальной истории, к которому российские интеллектуалы еще только начинают подходить или могут подойти в ближайшие годы, в этой работе является продуманным концептуальным основанием.

Принципиально важен здесь сам стиль и манера мышления, необычная по своей зрелости и широте кругозора. Она предполагает сочетание социально-исторического анализа и описания правовых и институциональных практик выхода из тоталитаризма, включая социологический, политологический и психологический разбор последствий и эффективности мер, принятых обществами разных стран. Трезвое представление автора о масштабе проблемы и колоссальных трудностях в ее решении делает изложение ясным, эмоционально сдержанным, лишенным как избыточного оптимизма, так и фатального пессимизма. У меня нет сомнений, что эту книгу будут изучать в учебных курсах на исторических, политологических и социологических факультетах российских университетов. Когда это случится – через 5, 10 или 15 лет, – не знаю, но уверен, что эта монография займет свое место в ряду образцовых произведений, подводящих итоги XX века.

Камертоном всего исследования можно считать вопрос Варлама Шаламова: «Разве уничтожение человека с помощью государства – не главный вопрос нашего времени, нашей морали?» Но как выйти из такой системы, когда все институциональные структуры государства, законы, социальный порядок, образование, идеология, культура предназначены для оправдания и обеспечения подобных практик насилия? И не просто выйти, а создать условия, при которых это станет невозможно в будущем?

Впервые, как показывает Лёзина, эта задача была четко сформулирована в США в 1942 году немецкими эмигрантами – Ф. Нойманом, О. Кирххаймером, Г. Маркузе и другими представителями Франкфуртской школы социальных наук. Еще в условиях войны, исход которой тогда был не ясен, ими по запросу американской администрации была разработана детальная программа денацификации. Ее смысл заключался в том, чтобы не только выявить и наказать преступников, но и обеспечить невозможность воспроизводства нацистских институтов и тоталитарной идеологии в будущем. А это означало – определение круга ответственных за преступления нацистского режима, правовую оценку их действий, организацию и проведение судебных процессов, продуманную кадровую политику, а также – может быть, самое трудное – изменение массового отношения к режиму, формирование другой моральной атмосферы в обществе, делающей тоталитарную идеологию и политику недопустимыми.

Первые шаги по пути к демократии в стране, где основная масса населения поддерживала тоталитарную систему, предполагали осуждение главных преступников и изоляцию среднего состава нацистского аппарата: запрет на работу в государственных органах, в общественных организациях, в СМИ, в сфере образования, исключение их из руководства экономикой, недопустимость влияния на экономическую политику государства.

Первая часть книги Лёзиной посвящена анализу реализации этой программы в послевоенной Германии, итоги которой вызывают неоднозначные оценки, несмотря на ее несомненный успех – становление в ФРГ полноценной демократии. Опыт Германии часто воспринимается как образец политики преодоления прошлого. Однако автор показывает, что это далеко не так: большая часть судебных процессов над нацистскими руководителями и функционерами

пошла иначе, чем ожидалось. Очень многим из тех, кто был виновен в преступлениях, снизили сроки, многие были амнистированы, оправданы и т. п. Первоначальный замысел – осудить ответственных руководителей, а не рядовых нацистов или исполнителей – не был полностью выполнен по многим причинам, включая сопротивление на местах, отсутствие необходимых судебных кадров и т. п. Понадобилось сорок лет, два поколения, чтобы немецкое общество перешло от внешнего административного и правового принуждения к признанию преступности государства и к осознанию общей ответственности за участие в действиях нацистского режима.

Такие изменения в системах ценностей, морали, символов предполагали непрерывную работу по осмыслению прошлого, деятельное участие ученых, философов, юристов, политиков, психоаналитиков, писателей, теологов, учителей. Это, в свою очередь, вызывало сопротивление, отторжение и замалчивание результатов этой работы. Главная трудность заключалась в преодолении равнодушия, за которым стояли не только массовый аморализм и отказ от ответственности подданных тотального государства, бесчисленных маленьких исполнителей воли преступной власти, но и сформированные практиками такого государства неспособность к сопереживанию другому, отсутствие человеческой эмпатии, понимания, ограниченность социального воображения.

Остальные части книги отданы описанию и анализу того, как проходил процесс декоммунизации в странах бывшего соцлагеря – в ГДР, Польше, Чехии, Словакии, Румынии и Венгрии, опыту проведения исторической политики в странах Балтии, в Украине и разбору крайне противоречивых изменений в постсоветской России. Лёзина подробно и убедительно исследует ход институциональных трансформаций в разных странах Европы, делая акцент на законодательных практиках, степени и масштабах люстрации, исторической политике. Она показывает, что люстрации – это не месть, не чистки, а меры защиты утверждающейся, еще слабой демократии.

Но люстрации – это еще и программирование будущего: действия, препятствующие воспроизводству кадров бюрократии из прежних, тоталитарных институтов. Именно очищение кадрового состава администрации высшего и среднего уровня бывших коммунистических государств, пресечение связей с партийными структурами и органами политической полиции, террора, надзора и насилия должны были повысить ответственность и участие людей в делах, имеющих общую значимость, вернуть доверие населения к власти и преодолеть характерную для этих обществ массовую апатию, отчужденность подданных от политики, которые Ханна Арендт считала несущей конструкцией тоталитарных режимов.

Я не буду пересказывать содержание исследования Лёзиной и предварять ее главные выводы и заключения. Попробую лишь высказать свое мнение о том, что является предметом ее размышлений.

Ошибки российских демократов, если это можно назвать «ошибками», а не сознательным курсом, состояли в том, что преступления Советского государства не только не были осуждены в моральном, политическом и правовом плане, но не было и самой идеи о необходимости уничтожить средства институциональной репродукции тоталитаризма, лишить их влияния на будущее. За последние тридцать лет появилось множество серьезных работ по истории сталинизма, описывающих технологии и масштабы массовых репрессий. Но не было даже идеи по выработке мер предупреждения регенерации тоталитарных структур и определения средств защиты едва образовавшейся и слабой демократии. В итоге все репрессивные институты – КГБ-ФСБ, МВД, прокуратура, судебная система – остались вне гражданского контроля и практически без изменений: они обладали собственными образовательными структурами, готовящими своих собственных специалистов в духе их собственной «профессиональной этики» советского времени: правового цинизма, сервильности и беспринципности.

Типичная сегодня реакция людей на появление работы о «тоталитарном прошлом» сводится к легкому раздражению: «Ой, опять об этом. Зачем? Уже столько написано». Но применительно к нашей стране нет никаких оснований считать, что сделано очень многое, скорее наоборот. Устойчивое сопротивление, оказываемое такой работе, нежелание разбираться со своим прошлым, проявляемое, как только затрагиваются подобные темы, правильнее рассматривать как симптом скрытых конфликтов и напряжений, о которых «лучше молчать, чем говорить». Сам факт негласного табу на определенные темы (общее согласие в том, что об этом не нужно думать) означает, что дело не в истории, не в прошлом, а в социальных отношениях, которые воспроизводятся в настоящем.

Если называть вещи своими именами, речь о проблематике институционального насилия государства. Лёзина выносит на свет именно то, что так хорошо скрывает от себя самого российское общество. Автор ясно представляет себе природу тоталитарных режимов и последствий, которые образуют незаживающие травмы и комплексы массового сознания, обеспечивающие сохранение подобных систем господства. Она прекрасно понимает, что вскрытие коллективного бессознательного, или нашего коллективного подсознания, может происходить только через анализ механизмов воспроизводимости подобных режимов на протяжении поколений.

Вопрос «Почему в России не получилась демократия?» – один из самых важных для нас, но российские политологи, социологи, юристы всячески стараются уклониться от ответов на него. В лучшем случае диагноз неудачи ограничивается простой констатацией: реформаторы оказались политически несостоятельными, не смогли воспользоваться широкой поддержкой, которую они имели в 1989–1991 годах. Или ссылаются на трансформационный кризис 1992–1999 годов, который оказался настолько глубоким, затяжным и тяжелым, что люди потеряли доверие к демократам и надежду на их способность вывести страну из тупика, в котором она оказалась к середине 1980-х годов. Чиновники настаивают на том, что демократы в ходе сомнительной приватизации дискредитировали себя, что непродуманные реформы разрушили советскую экономику, привели к разгулу преступности и т. д. Возведение объяснения к формулам более общего порядка («Всякая революция проходит свои циклы развития, реакция – это неизбежный этап консервации достигнутых изменений») – явно не лучше, хотя оно, мало что объясняя, позволяет примириться с временным поражением.

Дело не только в понятном («естественном») оппортунизме экспертов, зависимых от государства или международных научных фондов. Настоящая причина политологического пустословия заключается в том, что на поставленный выше вопрос нет ответа. «Исторически так получилось...» Честным, то есть единственно возможным, ответом был бы следующий: «Всерьез демократии никто не хотел и об этом не думал». Упреждая возмущенные реакции: «Как же так, а сотни тысяч митингующих в 1989–1991 годах, а движение неформалов, диссиденты, гласность, Съезд депутатов, августовские баррикады вокруг Белого дома?», вынужден сказать: хотели бы – получилось. Для этого надо было готовиться, брать на себя ответственность, создавать теневые («параллельные») неформальные социальные структуры, способные принять на себя функции новых институтов, как это было в Польше, Чехословакии, Эстонии. Никто ведь не заставлял демократов отдавать свои права бывшему первому секретарю обкома, полагаясь на «честного, порядочного и прогрессивно мыслящего» начальника.

Лукавство обычных объяснений заключается в том, что объясняющие избегают затрагивать неудобные вопросы о природе установившегося режима, его генетической связи с советской системой, его отношении к тоталитарному прошлому. Эта тревожная (в силу очевидной опасности подобных размышлений) тематика вытеснена из общественного дискурса. Но остаются следы внутреннего дискомфорта, которые проявляются в навязчивых разговорах публичных интеллектуалов о предстоящем «транзите» власти, о «низовой модернизации», «недостойном правлении», необходимости честных выборов и «умном голосовании», «черных

лебедах» или о неожиданности внезапных перемен, о «поколении миллениалов», уже не имеющих ничего общего с «советским человеком» и прочем. Дело не в ограниченности интеллектуальных способностей рассуждающих об этом и не в недоступности теоретических, концептуальных ресурсов для анализа причин социальной неудачи, а в человеческих проблемах самих отвечающих, двусмысленности их моральной и гражданской позиции.

Развал советской системы не означал ликвидацию составляющих ее институтов. Исчезли плановая государственная экономика, КПСС, но остались базовые институты – авторитарная вертикаль, не контролируемая обществом, лишенным средств представительства и контроля. Тайная политическая полиция, действующая вне правовых рамок (а потому отвечающая интересам сохранения суверенной власти). Массовая мобилизационная армия. Судебная система, полностью зависящая от Администрации президента, превращенная в репрессивную судебную бюрократию. Государственные СМИ, с приходом Путина занявшие практически монопольное положение и превратившиеся в систему тотальной пропаганды, эффективной и демагогической. Контроль над региональной и местной администрацией, отсутствующее самоуправление. И наконец, система массового образования, воспроизводящая в основе все стандарты советской идеологии.

Я назову лишь два обстоятельства, блокирующие или закрывающие возможности понимания исторической несостоятельности демократии в российском обществе.

Первое касается глубокой травмы массового сознания, порожденной невозможностью признавать преступления Советского государства против населения страны и одновременно сохранять коллективную идентичность, сформированную тоталитарными институтами этого государства. Глупо отрицать значимость этой идентичности. Наряду с приспособлением к репрессивному государству, глубоко укорененным страхом перед администрацией, готовностью пресмыкаться и демонстрировать свою лояльность к внутренне неуважаемой власти есть множество соблазнов, предлагаемых советской идеологией и пропагандой маленькому человеку. Как всякая тоталитарная идеология, советская коллективная идентичность дает униженному общим произволом индивиду возвышающее сознание принадлежности к Великой державе, чувство национального превосходства и исключительности (= остатки коммунистического миссионерства или даже православного избранничества, все-таки «Москва – Третий Рим!»), имперской силы и права диктовать «свою волю» другим народам, изолируя («У России – свой особый путь») и защищая человека от смущающего сравнения своей жизни и достатка с жизнью людей в развитых странах.

Второе – тот факт, что движущей силой реформирования советской системы была численно растущая бюрократия среднего звена – ИТР, преподаватели, научные работники, журналисты, хозяйственники, директора предприятий и т. п., начавшая после прекращения сталинских чисток и массовых репрессий испытывать во времена брежневского застоя серьезные карьерные проблемы (склеротизация каналов вертикальной мобильности). Без учета и понимания мотивов этой самой компетентной группы советских управленцев и идеологов (почти совпадавшей по численности со всем образованным слоем в СССР) искаженным и мифологизированным оказывается и сам процесс изменений, или распада СССР, включая и паралич, бездействие тех, кто должен был защищать эту систему. Именно бюрократия была держателем той идеологии, о которой говорилось чуть выше. Только она могла сохранять и транслировать идею государства как единственного суверена, защитника общих ценностей, интересов и прав, инициатора политики реформ. В тотальном государстве не могло быть иной социальной группы, обладающей авторитетом и интеллектуальными возможностями для разработки иной идеологии.

Поэтому, при всей радикальности слома коммунизма в 1991–1992 годах, позиции бюрократии не были серьезно затронуты и ущемлены¹. Осознание этого обстоятельства позволяет яснее видеть цели и границы институциональных преобразований, включая экономику, характер приватизации, отказ от суда над КПСС, люстрации, реформы политической полиции и судебной системы, то есть от решительного проведения политики исторического расчета с прошлым. Пределы изменений были заданы интересами, горизонтом и идеологией бюрократии. Все вместе это и придает особенные черты современной российской политической культуре, сложившейся вокруг идеологии суверенного, патерналистского и милитаристского государства.

Но идентификация с таким государством означает соучастие в его преступлениях. Признать это, а значит – и свою ответственность российское общество не в состоянии (и в целом, и в лице отдельных людей). Карл Ясперс после войны, размышляя об общей вине немцев, разводил два понятия: *юридическое* – вины непосредственных инициаторов террора, высшего руководства гитлеровского рейха, и *моральное* – коллективной ответственности, вменяемой всему обществу (если это «общество»). И то и другое образует единый комплекс действий, без которых невозможна рационализация прошлого, а значит, и проведение результативной исторической политики и демократических трансформаций. Но если первое допускает участие, включение внешних сил, международных институтов, то второе может опираться только на внутренние ресурсы самого общества.

Одно без другого невозможно: было бы непростительной наивностью, политическим инфантилизмом надеяться только на моральный потенциал и интеллектуальные ресурсы общества, пережившего состояние предельного аморализма в продолжительные периоды массового террора – своего рода антропологическую катастрофу, как ее называл Иосиф Бродский. Необходимо принуждение к признанию самого факта преступления, которое может быть произведено только правовыми образом и средствами и только авторитетом самого государства. Однако даже в Германии и Италии это было сделано с большим трудом и только с помощью победителей – оккупационной администрации. В странах Центральной и Восточной Европы (там, где это произошло) – посредством ранее сформированных организаций гражданского общества и участия Евросоюза. У нас в 1992 году вся предстоящая работа такого рода была сразу же отдана прежней бюрократии.

Чем дольше существует нынешний режим, тем чаще и настойчивее политическое руководство страны подчеркивает свою преемственность с Советским государством: оправдание пакта Молотова – Риббентропа и раздела Польши, войны с Финляндией, вторжения в Афганистан, апология Сталина, закрытие архивов, борьба с «фальсификациями истории». Дефицит легитимности, вызванный стагнацией экономического и социального развития страны, власти пытаются компенсировать обращением к прошлому, к величию Советской державы с ее моральным капиталом победы над нацизмом. Происходит героизация милитаризма и конфронтация с западными демократиями – реанимация идеологии и представлений предшествующих эпох.

Поэтому все труднее становится не только объяснить, как и почему возникла такая репрессивная институциональная система, на чем она держалась, чем вызвана ее устойчивость на протяжении столь долгого времени, но и понять, где и как искать выход из нее. И здесь мы сталкиваемся как с массовым нежеланием разбираться со своим прошлым, так и с сопротивлением рационализации истории, которое оказывает правящая бюрократия, расценивающая подобную деятельность как «подрыв исторических основ и патриотических традиций, связан-

---

¹ Пониманию этого препятствует убежденность либералов в массовости или даже общенародности выступлений против ГКЧП в августе 1991 года (которые ложно отождествляются с антикоммунизмом). Этот тезис был крайне важен для легитимации новой власти, возглавляемой Б. Ельциным, хотя в действительности антикоммунистические акции и протесты носили ограниченный и локальный характер.

ных с защитой Отечества»². Само понятие «тоталитаризм», акцентирующее институциональные параллели советской системы с нацизмом или фашизмом, представляется сегодня крайне нежелательным и опасным для одних и «научно неадекватным», неправильным – для других.

Особенность работы Е. Лёзиной состоит в том, что читатель не только знакомится с опытом преобразований в других странах, с историей успеха и неудач в преодолении тоталитаризма. Он сам меняется в процессе осмысления этого опыта. Неразвитость российского гражданского общества не позволяет нам представить всю сложность, всю массу проблем – политических, социальных, психологических, правовых, – которые возникают при попытках той или иной страны изменить саму себя. Не хватает воображения, поскольку в нашей социальной реальности никогда не возникало коллизий такого рода, не было того многообразия общественных движений и групп, которые могли бы ставить подобные проблемные задачи и пробовали практически их решать. Дополнительной трудностью здесь оказывается дефицит теоретических, концептуальных разработок тоталитаризма.

Сама по себе проблематика выхода из тоталитаризма (а не только вопросы денацификации и декоммунизации, или, как называет это автор вслед за Т. Адорно, «проработки прошлого») – наименее разработанная в концептуальном и теоретическом плане часть социальных и политических наук. Историки, политологи, социологи, психологи уделяли много сил и внимания описанию истории становления и функционирования тоталитарных режимов разного типа: фашизма, нацизма, советского и восточноевропейского социализма, китайской системы. Очень подробно рассматривались условия и причины возникновения массовых движений, захват власти, формы организации господства, практики террора, пропаганда и идеологическая доктринация населения, связь экспансионизма и милитаризма с особенностями идеологии и прочие аспекты подобных «партий-государств».

Но почти никто из исследователей, работающих в этой теоретической парадигме, не ставил вопрос о том, какова конечная судьба режимов этого рода. Что будет, к примеру, с коммунистическим Китаем? Ираном аятолл? Весь период холодной войны преобладало убеждение, что подобные системы господства внутренне чрезвычайно устойчивы, что их крах может иметь место только в результате военного поражения, как это случилось с нацистской Германией или фашистской Италией. Никакого анализа процессов внутреннего разложения этих социальных систем не было, хотя работы некоторых историков 1970–1980-х годов указывали на то, что идеологическая монолитность тоталитарных систем – мнимая, что внутри обществ сохраняется или воспроизводится некоторая разнородность, разномыслие и конкуренция разных ведомств. Но в конце 1980-х годов режимы, составлявшие соцлагерь, начали падать по принципу домино, один за другим. «Бархатные революции» разрушили установленные Сталиным политические системы в Восточной Европе. После внезапного и быстрого краха СССР и Варшавского блока основное внимание политологов было сосредоточено на мерах, обеспечивающих быстрый переход от позднего «социализма» брежневского толка к демократии западных стран. За рамками рассмотрения по-прежнему оставались вопросы, почему такие системы вообще возникали и могли функционировать столь длительное время.

Эпоха горбачевской перестройки 1985–1991 годов, время гласности, возникновения неформальных движений и дискуссионных клубов породили надежды на необратимость изменений тоталитарного режима, на окончательность и закономерность перехода к демократии. Считалось, что проблемы выхода из тоталитаризма утратили свою актуальность. Ответы, казалось, лежат на поверхности, а причины распада очевидны, учитывая трудности экономик соцстран и отставание от Запада, которое накопилось и проявилось к этому времени. Появи-

---

² Как показывают данные социологических исследований, проводимых «Левада-центром», 47 % опрошенных в апреле 2017 года россиян считали, что «не надо ворошить прошлое», «лучше поменьше говорить об этих репрессиях» (не согласны с ними были 38 % респондентов).

лась масса транзитологической литературы, предписывающей рецепты того, что надо сделать, чтобы перейти от закрытого общества и планово-распределительной экономики к свободному рынку и демократии.

Однако уже спустя 10–15 лет после включения восточноевропейских государств в Европейский союз возникли подозрения, что с «транзитом» что-то не так. Через какое-то время они превратились в уверенность. Даже в считающихся успешными восточноевропейскими странах, чье демократическое развитие проходило под покровительством и при помощи ЕС, все пошло не так гладко, как предполагалось вначале. Авторитарные, антилиберальные, консервативные и правопопулистские националистические тенденции отмечены в Польше, Венгрии, Восточной Германии, Сербии. В Болгарии и других странах имеет место длительная стагнация и отсутствие каких-либо позитивных изменений.

Еще сложнее дело обстоит на постсоветском пространстве, в России, Украине, Закавказье. В бывших союзных республиках Средней Азии получение государственного суверенитета привело к перерождению в диктатуры или деспотии (как в Туркмении). В Азербайджане, а в какой-то момент – в Грузии и Армении слабые, номинальные демократии в ситуации этнических войн очень быстро превратились в персоналистические авторитарные режимы. В России уже к концу 1990-х, а тем более в 2000-е годы стало очевидным усиление влияния армии и политической полиции на состояние дел в стране, восстановление карательного судопроизводства и имперской государственной идеологии. Записанные в Конституции РФ разделение властей, права и свободы человека, верховенство права оказались не более чем «слова, слова, слова». Однако вплоть до последнего времени либералы и демократы отказывались признать регенерацию институциональных практик, характерных для позднего брежневского времени.

Сегодня «транзитология» утратила свой статус парадигмы описания и интерпретации происходящих событий, набора политических рецептов модернизации. Но она сохранилась в виде своеобразной идеологии и групповой идентичности оппонентов режима и экспертного сообщества. Убежденность в возможном и даже скором изменении нынешнего режима стала не просто набором массовых иллюзий, но чем-то вроде групповых символов веры для немногочисленной оппозиции и своеобразным успокоительным средством для гораздо более широкой массы конформистов. Идея как бы предопределенного, детерминированного исторически, «автоматического» и потому бессубъектного процесса изменений (разумеется, к «лучшему») – это бессознательное продолжение советской веры в общественный прогресс, обеспечиваемый государством. Это часть традиционной российской политической культуры, блокирующей возможность понимания происходящего. Глубокоэшелонированная психологическая защита против травмы несостоятельности демократии, а еще более глубоко – против травмы сталинской «модернизации», террора, страха, личной беспомощности и аморализма окружающих заставляет вытеснять подобные неудобные обстоятельства. Приходится говорить, что реверсное движение в политической эволюции России имеет не случайный, а вполне закономерный характер.

Все сказанное выше должно лишь подчеркнуть значимость и сложность решения тех задач, которые поставила перед собой автор. Но, как завещал нам Иммануил Кант: «Имей мужество пользоваться своим умом!»³ И в этом мужестве никак не откажешь Евгении Лёзиной. Я остаюсь под глубоким впечатлением от выверенности, обоснованности ее аргументов и обширности анализируемого материала.

---

³ «Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине – это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! – имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения». Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // Кант И. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 25. Sapere aude! – сегодня это лозунг Московской школы гражданского просвещения.

Принципы ее работы (ценностная и методологическая основа) состоят в том, что осмысление репрессивного прошлого (там, где оно имеет место) должно включать не только «широкий спектр общественно-политических, культурных, образовательных инициатив», но и совершенно определенную, конкретную программу юридических и правовых действий и мероприятий, известных как «меры правосудия переходного периода». Преодоление прошлого предполагает три типа работы (их можно рассматривать как три фазы процесса проработки прошлого). Это *общественная, публичная артикуляция* проблематики террора и его институтов; необходимые *изменения в законодательстве* – принятие новых законов, устанавливающих ответственность за государственные преступления в прошлом и меры по предотвращению возврата к нему в настоящем; *очищение власти* от коррумпированных элит, связанных с апологетикой террора и препятствованием демократическим преобразованиям. А также *проведение масштабной образовательной и информационной политики, направленной на изменение отношения общества к своему прошлому*, осознанию «продолжения прошлого в настоящем» и моральной переоценке прошлого и его институтов.

Было бы нелепым отрицать первоначальный потенциал демократических изменений в России. Он, безусловно, был. Но не было понимания, что трансформационный процесс не сводится к рынку и частной собственности, что без необходимых институциональных изменений его нельзя считать необратимым, что новые и очень слабые институты, скорее продекларированные, чем действительно функционирующие так, как они должны были бы действовать, без необходимой защиты и постоянной, непрерывной работы по осмыслению прошлого как условия их легитимности не выдержат сколько-нибудь длительного сопротивления или давления консервативной реакции. Этого предупреждающего знания в России не было. А значит, судебная система, спецслужбы, по самой сути своей действующие «особым образом», в «режиме чрезвычайности» (вне правовых рамок регулирования и контроля), образование, право и другие важнейшие институты не были подвергнуты полному реформированию. В результате мы получили регенерацию прежних структур и институтов. Провал «суда над КПСС», отказ от люстрации и принятия ответственности за преступления советской власти, воспроизводство прежних форм государственной идеологии в массовой школе и прочее обеспечили восстановление тоталитарных институтов, но уже в форме «тоталитарного китча» – коррумпированной и суверенной системы власти.

В заключение еще раз выскажу свое давнее убеждение: главное условие действительно удачной научной работы состоит не столько в эрудиции исследователя, сколько в доброкачественности и силе его мотивации. В данном случае это человеческая тревога за будущее, понимание смысла свободы и необходимости ее защиты, что невозможно без сознания значимости истории. Я давно ждал подобной книги, хотя шансов появления работ такого класса становилось по прошествии лет все меньше и меньше. Теперь такое исследование есть. От него можно и нужно отталкиваться в последующих разработках ключевых проблем эволюции российского общества и государства. И это дает некоторую надежду.

Лев Гудков

Предисловие

В фокусе внимания предлагаемой читателям книги – понятие «проработки прошлого». Одним из первых этот термин использовал в 1959 году социолог Франкфуртской школы Теодор Адорно для обозначения критического осмысления причин и последствий репрессивных практик, свойственных диктатурам⁴. Попытка исследования опыта расчета с прошлым в обществах, где прежде господствовала организованная государством система террора, стала сквозной идеей данной работы.

Освоенный за десятилетия после окончания Второй мировой войны инструментарий проработки прошлого довольно многообразен. Процессы осмысления репрессивного прошлого в обществах, стремящихся преодолеть свое авторитарное или тоталитарное наследие, могут включать не только широкий спектр общественно-политических, культурных, исторических, образовательных инициатив, но и комплекс юридическо-правовых средств, более известных как меры правосудия переходного периода, или меры переходного правосудия (Transitional Justice)⁵. Под последними, как правило, понимаются различные юридическо-правовые механизмы, с помощью которых страны, стремящиеся построить общественно-политическую жизнь на новых демократических и правовых началах, пытаются добиться свершения правосудия, наказания ответственных за преступления, выработать ответ на систематические нарушения прав человека при прежних режимах. Объединяет эти политические решения в самых разных точках планеты – от вступивших на путь демократизации стран Латинской Америки до посткоммунистических государств Центральной и Восточной Европы – стремление восстановить в своих границах верховенство права, создать новые основания общественного договора и отказаться от недемократических практик, допускающих полную или частичную безнаказанность.

Первым значительным опытом переходного правосудия в современной истории стала широкомасштабная программа денацификации, проводившаяся союзниками по антигитлеровской коалиции в послевоенной Германии. Она включала устранение нацистской идеологии и символики из общественной жизни, демонтаж основных нацистских институтов – партии, полиции, судебных органов, общественных организаций и пр., привлечение к уголовной ответственности бывших руководителей Третьего рейха, а также удаление из госадминистрации, с гражданской службы, из части экономических структур бывших нацистских лидеров, активистов и пособников. Именно денацификация Германии стала предшественницей всех мер переходного правосудия, реализованных впоследствии в разных частях мира⁶.

Послевоенная Западная Германия, благодаря постепенно осваиваемой и проводимой в постоккупационный период политике памяти, также стала первопроходцем в критической проработке прошлого в публичной сфере. Со временем Германия превратилась в образец нации, способной к переосмыслению собственных преступлений, к смене оснований национальной идентичности. В то же время, несмотря на уже ставшую общим местом эталонность немецкого опыта проработки прошлого, процесс критического осмысления национальной истории в самой ФРГ всегда был сложным, неоднозначным и медленным. До сих пор немецкое общество остается во многом расколотым в интерпретациях и оценках национального прошлого. Дебаты

---

⁴ Adorno Th. W. (1959) Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit // Adorno Th. W. Eingriffe. Neun kritische Modelle. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1963. S. 125–146. В русском переводе: Адорно Т. Что значит «проработка прошлого»? / Пер. с нем. // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 36–45.

⁵ Teitel R. G. Transitional Justice. New York: Oxford University Press, 2000.

⁶ Stan L., Nedelsky N. (eds) Encyclopedia of Transitional Justice. 3 Vols. New York: Cambridge University Press, 2015; Kritz N. (ed.) Transitional Justice: How Emerging Democracies Reckon with Former Regimes. 3 Vols. Washington: United States Institute of Peace Studies, 1995.

о нацистском прошлом и острая критика в отношении политики памяти не прекращают звучать внутри страны.

Первая часть данной книги посвящена опыту критического осмысления национальной истории и демократизации политической культуры в послевоенной ФРГ. В ней приводится обзор мер по денацификации, принятых союзниками в западных оккупационных зонах, а также анализируются факторы, оказавшие наибольшее влияние на формирование исторического дискурса о Холокосте и Второй мировой войне, на изменение общественно-политической обстановки и – шире – всего западногерманского политико-культурного ландшафта в послевоенный период.

Во второй части речь пойдет о мерах правосудия переходного периода, реализованных в бывшей Восточной Германии и других бывших социалистических странах Центральной и Восточной Европы после падения «железного занавеса». В фокусе анализа оказывается опыт люстрации и открытия архивов компартии и органов госбезопасности в странах бывшего соцлагеря.

Хотя люстрация и открытие архивов представляли собой крайне противоречивый процесс и вызвали множество ожесточенных споров во всех странах региона, обсуждение этих мер оказалось в центре политической повестки большинства посткоммунистических демократий. Люстрационные меры были приняты в разные периоды – как на очень раннем этапе, так и спустя годы и даже десятилетия после краха коммунизма. Приблизительно с начала 2000-х годов исследователи отмечали феномен так называемой поздней люстрации, в ходе которой ряд стран впервые проводили или существенно расширяли принятые ранее программы люстрации и открытия архивов (Литва, Польша, Румыния, Венгрия, Словакия, Грузия, Украина), а страны, принявшие люстрационные законы на раннем этапе (Германия, Чехия), продлевали их действие⁷.

Мы подробно рассмотрим, каковы были основные аргументы в пользу принятия подобных механизмов, в чем заключались эти меры и каковы были их последствия, с каким сопротивлением они сталкивались, в чем состояла и чем объяснялась разница подходов к проработке прошлого в разных государствах региона.

Главы третьей части книги обращены непосредственно к советскому наследию «серпа и молота» и к попыткам его преодоления. Мой интерес к проблематике переходного правосудия и проработки прошлого родился из попыток понимания именно российской ситуации. В начале 1990-х годов в России, как и в других недавно обретших независимость бывших республиках СССР, велись дискуссии о необходимости избавления от советских репрессивных институтов – компартии и органов госбезопасности, – а также от символов советской эпохи. В те годы возникло ощущение, что многочисленные публикации о сталинском терроре, появившиеся в годы перестройки, гарантируют невозможность реабилитации Сталина и сталинских методов управления в будущем.

Однако, вопреки подобным ожиданиям, в случае России не произошло полного избавления ни от советских репрессивных институтов, ни от символов и мифов советской эпохи. С начала 2000-х годов социологи «Левада-центра», проводившие регулярные исследования российской исторической памяти, фиксировали стабильный рост положительных оценок фигуры Сталина в российском общественном сознании. В последние полтора десятилетия число тех, кто оценивает роль Сталина в судьбе страны как положительную (в среднем чуть более 50 %), неизменно превышало тех, кто дает ей отрицательную оценку (в среднем около 30 %)⁸. А

---

⁷ Horne C. M. Late Lustration Programmes in Romania and Poland: Supporting or Undermining Democratic Transitions? // Democratization. 2009. Vol. 16. No. 2. P. 344–376.

⁸ Положительно роль Сталина оценивали в 2003 году 53 %, в 2010 – 51 %, в 2013 – 49 %, в 2014 – 52 %, в 2016 – 54 %, в 2019 – 70 % (сумма ответов «безусловно положительная» и «скорее положительная» роль), отрицательно в 2003 году – 33 %, в 2010 – 30 %, в 2013 – 32 %, в 2014 – 30 %, в 2016 – 30 %, в 2019 – 19 % (сумма ответов «безусловно

в последнее десятилетие наблюдался настоящий «ренессанс» сталинизма. Так, за 2012–2015 годы почти вдвое – с 25 до 45 % – увеличилась доля россиян, считающих, что жертвы, которые понес советский народ в сталинскую эпоху, были оправданы великими целями и достижениями той поры⁹. Если в августе 2007 года 72 % были готовы назвать сталинские репрессии политическим преступлением, которому не может быть оправдания, то в марте 2016 года так считали уже только 45 % опрошенных¹⁰. В 2019 году положительное отношение к вождю достигло беспрецедентных 70 %, а уровень отрицательного отношения к его фигуре сократился до 19 %¹¹.

По мере возврата симптомов прошлого рос и мой исследовательский интерес к процессам трансформации российского массового сознания, к реставрации советских символических структур и репрессивных практик, к сравнению российской ситуации с европейской. В третьей части книги пойдет речь о попытках выработки в конце 1980-х – начале 1990-х годов российской программы проработки прошлого путем создания общественного движения «Мемориал» с целью сохранения памяти о жертвах советского террора. Здесь же будет представлен краткий анализ идеологического поворота и возрождения культа Сталина в годы путинского правления.

В двух других главах третьей части приводится обзор практик террора и дискриминации в советский период, анализируется трансформация советских органов госбезопасности и их массовое восприятие в постсоветской России. Кроме того, в этой части представлен опыт украинской люстрации чиновников и судейского корпуса после смены власти в стране в результате «Революции достоинства» 2013–2014 годов.

В сегодняшней России мы, несомненно, имеем дело с восстановлением влияния не только символов советского периода, но и многих репрессивных структур и институтов. В этом смысле наша страна стала воплощением опасений сторонников люстрации и других механизмов переходного правосудия. Последние предупреждали в конце 1980-х – начале 1990-х годов, что отказ от подобных мер может привести к реваншу, восстановлению влияния прежних репрессивных практик, а следовательно, и к новым нарушениям прав и свобод граждан.

«Полное отсутствие расчета с прошлым после краха коммунизма представляет преднамеренное попираание правосудия и верховенства права, – писал в 1993 году польский журналист и писатель, бывший узник ГУЛАГа, автор воспоминаний «Иной мир: Советские записки» Густав Херлинг-Грудзинский. – Есть бывшие партийные дураки и известные журналисты, которые считают это доказательством „мудрости страны“. Есть также прагматики, которые утверждают, что все „рассосется“ со временем, по мере того как вырастет новое поколение, не знающее о страданиях его бабушек и дедушек. И первые, и вторые в один прекрасный день обнаружат (если они проживут достаточно долго), насколько они ошибались, – не важно, осознанно или нет»¹².

В стране с таким наследием государственного террора и институционального насилия, как Россия, цена за отказ от проработки опыта властного произвола и системы безнаказанности оказывается чрезвычайно высокой. Тем большую значимость, как видится, представляет изучение опыта других стран, которым удалось, хотя бы частично, преодолеть тяжелое тоталитарное наследие. Надеюсь, что, собранный вместе, этот материал может стать для русскоязыч-

---

отрицательная» и «скорее отрицательная»). См.: Динамика отношения к Сталину. Пресс-выпуск «Левада-центра». 16.04.2019. <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/>.

⁹ Сталин и его роль в истории страны. Пресс-выпуск «Левада-центра». 31.03.2015. <http://www.levada.ru/2015/03/31/stalin-i-ego-rol-v-istorii-strany/>.

¹⁰ Фигура Сталина в общественном мнении России. Пресс-выпуск «Левада-центра». 25.03.2016. <http://www.levada.ru/2016/03/25/figura-stalina-v-obshhestvennom-mnenii-rossii/>.

¹¹ Динамика отношения к Сталину. Пресс-выпуск «Левада-центра». 16.04.2019. <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/>.

¹² Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą // Kultura. 1993. 12/555. S. 17–18. Цит. по: Łoś M. Lustration and Truth Claims: Unfinished Revolutions in Central Europe // Law and Social Inquiry. 1995. Vol. 20. No. 1. P. 147.

ной аудитории своеобразным введением в тему, способным пробудить интерес к дальнейшему изучению опыта проработки прошлого.

Хочу выразить свою глубокую благодарность всем тем людям, без которых эта книга не состоялась бы. Прежде всего, это мои учителя – блестящие преподаватели факультета политических наук Московской высшей школы социальных и экономических наук. Когда я училась в магистратуре «Шанинки» в 2004–2005 годах, деканом факультета и моим научным руководителем была историк Татьяна Ворожейкина, а преподавателями основных курсов – социологи «Левада-центра» Лев Гудков и Борис Дубин (1946–2014), а также историк Игорь Долуцкий. Их идеи, связывающие научный анализ и гражданскую позицию, легли в фундамент моей работы.

Должна сказать отдельное спасибо за сотрудничество (в разные годы), а также за плодотворные дискуссии и критические замечания директору «Левада-центра» Льву Гудкову, руководителю Отдела социально-политических исследований «Левада-центра» Наталье Зоркой, руководителю Отдела социокультурных исследований «Левада-центра» Алексею Левинсону, руководителю молодежных и образовательных программ Международного «Мемориала» Ирине Щербаковой, главному редактору берлинского журнала «Восточная Европа» Манфреду Запперу, руководителю отдела «Коммунизм и общество» Центра современной истории в Потсдаме Йенсу Гизеке, старшему научному сотруднику того же Центра Яну Берендсу, директору Института исследований тоталитаризма имени Ханны Арендт в Дрездене Томасу Линденбергеру, директору Коллегии имени Имре Кертеса при Йенском университете Йоахиму фон Путткаммеру, директору Фонда проработки диктатуры СЕПГ в Берлине Анне Камински, бывшему руководителю программы «Политические системы и институциональные изменения» в Институте высших научных исследований ИМТ в Лукке Виктору Заславскому (1937–2009) и другим. Кроме того, я хотела бы поблагодарить за сотрудничество и поддержку бывшего директора Сахаровского центра в Москве Юрия Самодурова и бывшего президента Фонда Сахарова в США Эдварда Клайна (1932–2017).

Хочу выразить признательность за помощь в проведении исследований в разные годы Центру современной истории в Потсдаме, Центру российских и евразийских исследований имени Дэвиса при Гарвардском университете, Коллегии имени Имре Кертеса при Йенском университете, Фонду проработки диктатуры СЕПГ в Берлине, Фонду Александра фон Гумбольдта, Фонду имени Генриха Бёлля, Институту высших научных исследований ИМТ в Лукке, а также Аналитическому центру имени Юрия Левады в Москве.

Благодарю Фонд «Либеральная миссия» за поддержку публикации книги. Льва Гудкова – за прочтение и обсуждение, Сергея Лебедева и Бориса Грозовского – за редакторский труд.

Часть I

Избавление от нацистского прошлого

1. Денацификация Западной Германии ¹³

Начало демократической послевоенной трансформации Западной Германии было положено союзниками по антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Именно они сформулировали в августе 1945 года в Потсдамском соглашении и реализовали впоследствии принципы, вошедшие в историю как политика четырех «Д»: демилитаризация, денацификация, демократизация и декартелизация¹⁴.

Программа денацификации стала одной из ключевых целей оккупации капитулировавшего рейха. Хотя основным символом переходного правосудия, осуществленного в послевоенной Германии, стал Нюрнбергский процесс – Международный военный трибунал над главными военными преступниками Третьего рейха, – политика союзников по денацификации далеко не ограничивалась этим судебным разбирательством. Она предусматривала избавление немецкого общества от нацистской идеологии, институтов, законодательства и кадров.

В этой главе приводится обзор основных денацификационных мер, осуществленных в западных оккупационных зонах. Среди них можно выделить три приоритетных направления: очищение государственной службы и бизнеса от нацистских служащих, автоматические аресты и интернирование наиболее активных нацистов, а также привлечение к уголовной ответственности руководства Третьего рейха.

Оговоримся, что, хотя приблизительно те же механизмы были реализованы и в советской оккупационной зоне, анализ советской денацификационной программы останется за рамками нашего анализа (за исключением тех моментов, где принятые в советской зоне меры прямо пересекались с решениями западных союзников и где возможны сравнительные данные). Прежде всего это связано с тем, что цели, которые ставились советской администрацией на подконтрольной ей территории, в целом отличались от целей, ставившихся союзниками в западных зонах. Демонтаж прежней системы здесь должен был в первую очередь способствовать советизации восточной части Германии, максимально быстрой и всеобъемлющей перестройке всех сфер общественной жизни в ней по советскому образцу¹⁵.

Поскольку главная инициатива в разработке денацификационных мер принадлежала американцам, мы подробнее остановимся на рассмотрении механизмов, выработанных именно американской стороной и применявшихся с некоторыми вариациями в британской и французской зонах¹⁶.

---

¹³ В основе главы – статья автора, опубликованная в журнале «Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии» (2018. № 3–4 (127). С. 192–206).

¹⁴ Herz J. H. Denazification and Related Policies // Herz J. H. (ed.) From Dictatorship to Democracy: Coping With the Legacies of Authoritarianism and Totalitarianism. Westport: Greenwood Press, 1983. P. 17–19.

¹⁵ Подробнее о советизации Восточной Германии и других стран Центральной и Восточной Европы см.: Петров Н. По сценарию Сталина. Роль органов НКВД – МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. М.: РОССПЭН, 2011; Applebaum A. Iron Curtain: The Crushing of Eastern Europe 1944–56. London; New York: Allen Lane, 2012. О денацификации в советской зоне оккупации Германии см.: Vogt T. R. Denazification in Soviet-Occupied Germany: Brandenburg 1945–1948. Cambridge: Harvard University Press, 2000; Blessing B. The Antifascist Classroom: Denazification in Soviet-Occupied Germany, 1945–1949. New York: Palgrave Macmillan, 2006.

¹⁶ Политике денацификации посвящена обширная литература. В частности, книга историка Перри Биддискомба подробно рассматривает денацификацию во всех четырех оккупационных зонах. См.: Biddiscombe P. The Denazification of Germany: A History, 1945–50. Stroud: Tempus, 2007.

Еще в 1942 году Управление стратегических служб США (УСС) привлекло к подготовке мер по денацификации немецких ученых, вынужденных эмигрировать из Третьего рейха после прихода нацистов к власти¹⁷. В Центрально-Европейской секции УСС, в частности, работали выходцы из знаменитой Франкфуртской школы¹⁸: политолог, социолог и юрист Франц Нойман, автор опубликованного в 1942 году фундаментального исследования о Третьем рейхе «Бегемот: структура и практика национал-социализма», политолог Отто Кирххаймер и философ Герберт Маркузе¹⁹. Именно эти немецкие интеллектуалы-эмигранты создали широкомасштабную программу демократизации Германии. В частности, группа Ноймана – Кирххаймера – Маркузе составила детальные «черные списки» активных нацистов, которых предстояло отстранить от руководящих постов после капитуляции нацистского рейха, а также «белые» списки возможных замен, которые включали лиц, чей «характер, профессиональная репутация, опыт и политическая надежность делали их особенно подходящими для замещения ответственных должностей»²⁰. Кроме того, были подготовлены списки должностей, обладатели которых подлежали автоматическому аресту и последующему интернированию в целях обеспечения общественной безопасности (всего в них содержалось 220–250 тыс. позиций)²¹.

Помимо очищения государственной администрации, политической сферы, судебной системы, системы образования, армии, полиции и других структур от активных сторонников нацизма, программа денацификации, по замыслу ее разработчиков, должна была подорвать экономическую базу нацистского режима: от руководства стратегическими предприятиями должны были быть отстранены те, кто содействовал его укреплению и поддержанию. Как объяснял Герберт Маркузе, «чтобы денацификация была эффективной, должно произойти нечто большее, чем чистка персонала и отмена нацистского законодательства <...> – должен был быть нанесен удар в корень немецкого фашизма через искоренение экономических основ антидемократической политики немецкой крупной промышленности»²².

В результате сотрудниками Центрально-Европейской секции УСС были подготовлены списки из 1,8 тыс. руководителей бизнеса и промышленности, которых тоже предстояло арестовать и привлечь к уголовной ответственности за их соучастие в преступлениях Третьего рейха. Выработанные экспертами УСС меры легли в основу нормативных документов – законодательных актов, директив и инструкций, – изданных и реализованных впоследствии американским военным командованием²³.

Выявление сторонников нацизма

Отстранение бывших членов Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП; *Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei*, NSDAP) и ее аффилированных структур с официальных государственных постов и влиятельных должностей в коммерческих структурах было призвано способствовать изменению немецкого общества и препятствовать возрождению нацистской идеологии и институтов в будущем.

---

¹⁷ УСС было создано в 1942 году, а в 1945-м оно было преобразовано в Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США.

¹⁸ Имеется в виду действовавший при Франкфуртском университете Институт социальных исследований (*Institut für Sozialforschung*), почти в полном составе эмигрировавший в США после 1933 года.

¹⁹ *Neumann F. L. Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism. New York; London: Oxford University Press, 1942.*

²⁰ Цит. по: *Biddiscombe P. Op. cit. P. 23–24.*

²¹ *Ibid.*

²² *Ibid.*

²³ Подробнее об участии УСС в подготовке денацификации см.: *Laudani R. (ed.) Secret Reports on Nazi Germany: The Frankfurt School Contribution to the War Effort. Princeton: Princeton University Press, 2013.*

Американцы приступили к денацификации, как только их войска заняли первые населенные пункты на территории Германии осенью 1944 года. Специально созданные для этой цели подразделения начали проверки местных чиновников и госслужащих на предмет их причастности к нацистским структурам. Проверки проводились с помощью объемных анкет (Fragebogen), тоже разработанных Центрально-Европейской секцией УСС и состоявших из 131 вопроса. Они касались трудовой деятельности, партийной аффилиации, политической активности, членства в организациях и других биографических аспектов²⁴. Представленная в анкетах информация впоследствии перепроверялась с помощью архивных, контрразведывательных и иных доступных данных. На основе этих сведений сотрудники спецподразделений принимали решения о санкциях в отношении должностных лиц, относя их к одной из пяти категорий: «1) обязательное удаление; 2) дискреционное удаление, неблагоприятные рекомендации; 3) дискреционное удаление, отсутствие неблагоприятных рекомендаций; 4) отсутствие доказательств нацистской деятельности; 5) наличие доказательств антинацистской деятельности»²⁵.

Секретная директива № 1067, изданная Объединенным комитетом начальников штабов вооруженных сил США (Joint Chiefs of Staff, JCS) в апреле 1945 года, уточняла правила санкций. Согласно директиве, удалению и исключению «с государственных должностей и с позиций особой значимости в полуобщественных и частных предприятиях, таких как: 1) гражданские, экономические и трудовые организации; 2) корпорации и другие организации, в которых правительство или его подразделения имеют большой финансовый интерес; 3) промышленность, торговля, сельское хозяйство и финансы; 4) образование; 5) пресса, издательства и другие агентства, распространяющие новости и пропаганду» подлежали «все члены нацистской партии, являвшиеся более чем номинальными участниками своей деятельности, все активные сторонники нацизма или милитаризма и все другие лица, враждебные союзным целям» (§ 6 (с))²⁶.

Критерии выявления активных партийцев и сторонников нацизма, подлежавших обязательному отстранению от работы, были определены в директиве № 1067 следующим образом: «Лица должны рассматриваться в качестве более чем номинальных участников в деятельности партии, а также в качестве активных сторонников нацизма или милитаризма в тех случаях, если они: 1) занимали должности или были иным образом активны в партии и в ее подчиненных организациях или же в организациях, поддерживающих принципы милитаризма, на любом уровне от местного до национального; 2) санкционировали или участвовали в любых нацистских преступлениях, расовых преследованиях или дискриминации; 3) были убежденными последователями нацизма или расового и милитаристского учения или 4) добровольно оказывали существенную моральную или материальную поддержку или политическую помощь любого рода нацистской партии или нацистским должностным лицам и лидерам»²⁷.

В дополнение к этому, более раннее, изданное в декабре 1944 года «Руководство для военной администрации в Германии» содержало списки нацистских политических организаций, подлежавших ликвидации (в них содержалось 27 наименований структурных подразделений партийного аппарата, 5 типов региональных и местных отделений партии, 26

---

²⁴ Germany: Screening Questionnaire («Fragebogen»). Allied Military Government of Germany (1945) // Kritz N. (ed.) *Transitional Justice: How Emerging Democracies Reckon with Former Regimes*. 3 Vols. Washington: United States Institute of Peace Studies, 1995. Vol. III. Laws, Rulings, and Reports. P. 412–416.

²⁵ OMGUS, Denazification (Cumulative Review), Report of the Military Governor, 1 April 1947 – 30 April 1948. 1948. No. 34. P. 3.

²⁶ Joint Chiefs of Staff Directive to Commander in Chief of United States Forces of Occupation Regarding the Military Government of Germany (JCS 1067/6). 1945. April 26. <https://usa.usembassy.de/etexts/ga3-450426.pdf>.

²⁷ Ibid.

наименований профессиональных, политических и других партийных организаций, а также 8 парамилитаристских и полицейских организаций)²⁸.

Кроме того, «Руководство» содержало списки чиновников и государственных служащих, подлежащих увольнению или временному отстранению от должности; списки позиций в нацистских партийных организациях и структурах, а также типов отношений к партии, которые должны были служить основанием для дисквалификации, а также квазиправительственных позиций, с которых должны были быть удалены ключевые должностные лица²⁹.

Упомянутая выше директива JCS № 1067 также ставила перед военным губернатором американской оккупационной зоны задачи уничтожения нацистских институтов и очищения общественных структур от нацистской идеологии. В первую очередь ликвидировалась «нацистская партия, ее формирования, аффилированные ассоциации и контролируемые организации, а также все нацистские общественные институты, которые были созданы в качестве инструментов господства партии», и запрещалось их возрождение в любой форме (§ 6 (a)). Также отменялись «законы, направленные на установление политической структуры национал-социализма и основы гитлеровского режима, и все законы, указы и постановления, вводившие дискриминацию по признаку расы, национальности, вероисповедания или политических убеждений» (§ 6 (b)).

Распускались все структуры вооруженной организации нацистской партии СС (Schutzstaffeln, SS) и тайной политической полиции гестапо (Gestapo, сокращение от Geheime Staatspolizei), вооруженные силы вермахт (Wehrmacht) и парамилитаристские формирования – СА (Sturmabteilung, SA) и пр. (§ 12). Уголовная полиция и полиция общественной безопасности переходили под контроль военного командования и могли возобновить работу лишь после того, как оттуда увольнялись все нацистские кадры. Закрывались все чрезвычайные суды, включая народные (Volksgерichte) и специальные суды (Sondergerichte), действовавшие в Третьем рейхе. Временному закрытию подлежали уголовные, гражданские и административные суды: они могли возобновить работу под жестким контролем военной администрации только после проверки персонала и их «очищения от любых нацистских проявлений» (§ 11)³⁰. На таких же условиях, то есть после тщательной денацификации преподавательского состава, могли возобновить работу учреждения начального, среднего и высшего образования. В них запрещалось использовать учебные пособия и программы, основанные на нацистских и милитаристских учениях. Американское оккупационное правительство объявляло о намерении создать скоординированную систему контроля над немецким образованием и разработать программу переориентации «для ликвидации нацистских и милитаристских доктрин и поощрения развития демократических идей» (§ 14).

В сентябре 1945 года в американской зоне был введен дополнительный законодательный запрет нанимать бывших членов нацистской партии и ее дочерних организаций, включая СС, СА, гитлерюгенд (Hitlerjugend) и др., на любые руководящие должности в коммерческих структурах³¹.

---

²⁸ Handbook for Military Government in Germany Prior to Defeat or Surrender. Supreme Headquarters, Allied Expeditionary Force, Office of the Chief of Staff, December 1944. Part III. Section V. The Task of the Military Government Officer. Table «A». P. 93–96.

²⁹ Ibid. Tables «B», «D», and «E». P. 96–101.

³⁰ Подробнее об очищении и реформировании системы правосудия см.: Loewenstein K. Law and the Legislative Process in Occupied Germany: I // The Yale Law Journal. 1948. Vol. 57. No. 5. P. 724–760; *Idem*. Law and the Legislative Process in Occupied Germany: II // The Yale Law Journal. 1948. Vol. 57. No. 6. P. 994–1022; *Idem*. Reconstruction of the Administration of Justice in American-Occupied Germany // Harvard Law Review. 1948. Vol. 61. No. 3. P. 419–467.

³¹ Military Government-Germany, United States Zone, Law No. 8 «Prohibition of Employment of Members of Nazi Party in Positions in Business Other than Ordinary Labor and for Other Purposes» and Regulation No. 1 under the Law, September 26, 1945 // OMGUS, Denazification (Cumulative Review), Report of the Military Governor, 1 April 1947 – 30 April 1948. 1948. No. 34. P. 49–52.

Американцы не только опережали союзников по коалиции в реализации денацификационных мер, но и постоянно настаивали на унификации политики во всех четырех оккупационных зонах³². Со временем программа денацификации, разработанная американцами, стала общей политикой союзников. Практически дословно цитируя директиву JCS № 1067, решение Потсдамской конференции от 1 августа 1945 года провозглашало: «Все члены нацистской партии, которые были больше, чем номинальными участниками ее деятельности, и все другие лица, враждебные союзным целям, должны быть удалены с общественных или полуофициальных должностей и с ответственных постов в важных частных предприятиях. Такие лица должны быть заменены лицами, которые по своим политическим и моральным качествам считаются способными помочь в развитии подлинно демократических учреждений в Германии»³³.

5 июня 1945 года был создан Контрольный совет в Германии (также известный как Союзный контрольный совет, или СКС) – совместный орган четырех союзников в составе главнокомандующих оккупационными войсками СССР, США, Великобритании и Франции. Контрольным советом были изданы директивы и законы, призванные искоренить нацистские проявления в общественной жизни Германии, во многом аналогичные принятым ранее в американской зоне. Так, закон СКС № 1 от 20 сентября об отмене нацистского законодательства и закон № 2 СКС о роспуске и ликвидации НСДАП и ее дочерних организаций от 10 октября фактически воспроизводили ранее принятые военным командованием США законы № 1 и 5³⁴. В основе принятого 30 октября закона СКС № 4 о реорганизации немецкой судебной системы лежал американский закон № 2³⁵. А директива СКС № 24 «Об устранении нацистов и других лиц, враждебных союзным целям» повторяла апрельскую директиву JCS № 1067 и изданную в июле 1945 года американскую директиву «Устранение и исключение нацистов и милитаристов»³⁶. Директива № 24 Союзного контрольного совета устанавливала единую политику денацификации во всех четырех оккупационных зонах³⁷.

По разным оценкам, специальным подразделениям американской военной администрации удалось рассмотреть в 1945–1946 годах чуть более 1,6 млн анкет и отстранить от должности или не допустить к ответственной работе около 375 тыс. человек, что означало удале-

³² *Plischke E. Denazification Law and Procedure // The American Journal of International Law. 1947. Vol. 41. No. 4. P. 809.*

³³ Цит. по: Протокол Берлинской конференции трех держав, 1 августа 1945 года // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов: Сборник документов. М.: Издательство политической литературы, 1984. Том VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 года). С. 431.

³⁴ *The Control Council Law No. 1 «Repealing of Nazi Laws». September 20, 1945 // Enactments and Approved Papers of the Control Council and Coordinating Committee. Allied Control Authority, Germany (1945–1948). Legal Division of the Office of the U. S. Military Government for Germany, 1945. Vol. I. P. 101–104; The Control Council Law No. 2 «Providing for the Termination and Liquidation of the Nazi Organizations». October 10, 1945 // Ibid. Vol. II. P. 131–132. Cf. Military Government Law No. 1 «Abrogation of Nazi Laws» // Military Government-Germany, Supreme Commanders Area of Control. Proclamation, Laws, Orders, Ordinances and Notices. Directives and Instructions to German Police. Reproduced by Ninth US Army. 1944. November 7. P. 7–9; Military Government Law No. 5 «Dissolution of Nazi Party» // Ibid. P. 15–17.*

³⁵ *The Control Council Law No. 4 «Reorganization of the German Judicial System». October 30, 1945 // Enactments and Approved Papers of the Control Council and Coordinating Committee. Allied Control Authority, Germany (1945–1948). Legal Division of the Office of the U. S. Military Government for Germany, 1945. Vol. I. P. 173–175; Military Government Law No. 2 «German Courts» // Military Government Gazette Issue A. 1946. June 1. P. 6–10.*

³⁶ Директива американского военного командования на Европейском театре военных действий (United States Forces European Theater, USFET) от 7 июля 1945 года, определяя степень виновности членов нацистской партии, установила дату вступления в НСДАП с 1 мая 1937 года, чтобы разделить активных нацистов, удаление или исключение которых было обязательным, от номинальных нацистов, удаление или отстранение которых от работы являлось дискреционным (§ 2 (b)). В прежних инструкциях для тех же целей использовалась дата вступления в НСДАП до или после января 1933 года, то есть с момента прихода нацистов к власти. *USFET Directive, Removal of Nazis and Militarists, July 7, 1945 // OMGUS, Denazification (Cumulative Review), Report of the Military Governor, 1 April 1947 – 30 April 1948. 1948. No. 34. P. 23–37.*

³⁷ *Control Council Directive No. 24 «Removal from Office and from Positions of Responsibility of Nazis and of Persons Hostile to Allied Purposes» of January 12, 1946 // Enactments and Approved Papers of the Control Council and Coordinating Committee. Allied Control Authority, Germany (1945–1948). Legal Division of the Office of the U. S. Military Government for Germany, 1945. Vol. II. P. 46–16.*

ние с государственной службы около 40 % персонала³⁸. В британской зоне к лету 1946 года было рассмотрено 870 тыс. анкет и около 200 тыс. человек были не допущены к работе или столкнулись с различными ограничениями. Еще приблизительно 195 тыс. немцев подверглись различным штрафам и ограничениям во французской зоне. Больше всего уволенных или не допущенных к работе оказалось в советской зоне: в марте 1947 года таковых насчитывалось уже 390 тыс. человек³⁹.

С марта 1946 года в американской зоне начался второй этап денацификации. Поскольку американский политический курс предполагал постепенную передачу управления страной в руки самих немцев, полномочия по денацификационным проверкам передавались немецким земельным правительствам. 5 марта 1946 года был принят закон «Об освобождении от национал-социализма и милитаризма» (закон № 104), разработанный министерствами юстиции земель Бавария, Гессен и Баден-Вюртемберг, входивших в американскую зону. Его принципы в октябре того же года были распространены директивой СКС № 38 и на другие зоны оккупации⁴⁰.

На основании закона № 104 в каждой федеральной земле (Land) были созданы министерства политического освобождения (Ministerium für politische Befreiung), а в каждом городе и округе (Kreis) – судебные трибуналы (Spruchkammer) и апелляционные трибуналы для пересмотра решений. Судебные трибуналы состояли как минимум из трех членов – председателя и не менее двух консультантов не моложе 30 лет. При трибунале работал прокурор, который отвечал за прием и изучение регистрационных форм, заявлений, разоблачительных сведений и другой информации, касавшейся ответственных персон, проводил расследования и выступал в трибунале в качестве обвинителя (§ 33). Все члены трибунала назначались на должности министром политического освобождения, на которого была возложена основная ответственность за реализацию закона (§ 24, 25, 26). В законе уточнялось, что министры, как и все причастные к денацификации чиновники, должны «быть известны как оппоненты нацизма и милитаризма, отличаться безукоризненностью, честностью и справедливостью» (§ 28)⁴¹.

По новым правилам каждый немец, достигший 18-летнего возраста, должен был зарегистрироваться, заполнить подробную биографическую анкету (Meldebogen) и пройти через процедуру проверки. Судебные трибуналы принимали решения о причислении зарегистрировавшихся к одной из пяти категорий, каждая из которых подробно описывалась в законе: 1) главные виновные (Hauptschuldige), 2) виновные (активисты, милитаристы, извлекатели пользы) (Belastete), 3) незначительно виновные (Minderbelastete), 4) попутчики (Mitläufer) и 5) невинные (Entlastete), и о присуждении наказаний⁴². Всего было создано 545 судебных трибуналов по денацификации со штатом 22 тыс. человек. Приблизительно за два года, к концу мая 1948-го, в американской зоне, где проживало чуть более 17 млн человек, зарегистрировалось около 13,2–13,4 млн немцев⁴³. Из них около 3,3–3,6 млн человек (или около 27 %) попадали под действие закона: они состояли ранее членами НСДАП или ее аффилированных организаций и должны были предстать перед судебными трибуналами⁴⁴.

³⁸ «Now It's Up to the Germans» // Military Government Information Bulletin. 1946. No. 49. July 8. P. 13.

³⁹ Biddiscombe P. Op. cit. P. 114, 172, 143.

⁴⁰ Law for Liberation from National Socialism and Militarism (German legislation), March 5, 1946 // OMGUS, Denazification (Cumulative Review), Report of the Military Governor, 1 April 1947 – 30 April 1948. 1948. No. 34. P. 52–98; Allied Control Authority Control Council Directive No. 38 «The Arrest and Punishment of War Criminals, Nazis and Militarists and the Internment, Control and Surveillance of Potentially Dangerous Germans», October 12, 1946 // Ibid. P. 114–137.

⁴¹ Law for Liberation from National Socialism and Militarism (German legislation), March 5, 1946 // OMGUS, Denazification (Cumulative Review), Report of the Military Governor, 1 April 1947 – 30 April 1948. 1948. No. 34. P. 52–98.

⁴² Ibid. Подробный разбор критериев определения виновности и предусмотренных наказаний см. в: Кун Г. Возвращение из преисподней: денацификация послевоенной Германии // Историк и художник. 2007. № 2 (12). С. 161–176.

⁴³ Массовость регистрации обуславливалась тем фактом, что она была условием выдачи продуктовых карточек населению.

⁴⁴ Romeike S. Transitional Justice in Germany after 1945 and after 1990. International Nuremberg Principles Academy, Occasional

Однако вскоре обнаружилось, что подход немецких судебных трибуналов к денацификации существенно отличался от американского. Немецкие денацификационные органы выносили более мягкие приговоры, причисляли подозреваемых к более низким категориям виновности, нередко пересматривая уже вынесенные решения американских трибуналов, затягивая рассмотрение дел и пр. Как объяснял исследователь денацификации Уильям Гриффит, ответственные за денацификацию немецкие министры, будучи подотчетны земельным парламентам (Landtag), партиям и избирателям, зависели от общественного мнения, а немецкое общество оказывало все большее сопротивление денацификационным мерам⁴⁵.

Неэффективность работы трибуналов и частая несправедливость выносимых приговоров (слишком мягкие для главных нацистов и слишком суровые для номинальных) дискредитировали весь процесс в глазах тех немцев, кто изначально являлся сторонником денацификации. Как уточняет историк, автор книги «Денацификация Германии 1945–48» Перри Биддискомб, поддержка принимавшихся мер начала сокращаться, «как только стало ясно, что денацификация реализуется непоследовательно и что отдельные нацисты могут сохранять или заново получать свои посты»⁴⁶. В результате доля жителей американской зоны, довольных процессом денацификации, сократилась с 57 % в начале 1946 года до 32 % в 1947-м, а к 1949 году она упала до 17 %⁴⁷. Даже те, кто изначально был уверен в необходимости очищения общества от нацистских кадров, со временем проникались все большим скептицизмом в отношении проводившейся политики.

И тому были реальные причины. Процесс денацификации в руках немецких исполнителей постепенно превращался в фарс. Дело было не только в колоссальной перегруженности трибуналов, буквально заваленных десятками тысяч анкет, но и в атмосфере неприятия, интриг и давления, которая формировалась вокруг денацификационных органов и персонала.

Больше других были заинтересованы в затягивании судебных разбирательств высокопоставленные нацисты, стремившиеся избежать наказания. Лица, причисленные к двум первым категориям виновности, могли быть отнесены к более низкой категории на основании представляемых ими доказательств (§ 34, 39 закона № 104). Поэтому «довольно скоро трибуналы наводнили огромное количество всевозможных сертификатов, оправдательных бумаг, рекомендательных писем о том, что обвиняемый вел образ жизни истинного христианина и не был активным нацистом»⁴⁸. Эти «обеляющие» нацистов свидетельства стали широко известны как «персил-удостоверения» (Persilscheine) по названию популярного моющего средства. Возникла ситуация круговой поруки, когда местные жители оказывали друг другу услуги в денацификационных судах, выступая там в качестве свидетелей «добропорядочности» и «благонадежности» соседей, родственников и сослуживцев. Процветал черный рынок, где наиболее богатые и влиятельные могли приобрести справки, помогавшие «очиститься» и попасть в категорию номинальных нацистов. Критикуя реализацию программы, исследователь денацификации в Баварии Лутц Нитхаммер язвительно назвал ее «фабрикой по производству попутчиков» (Mitläuferfabrik)⁴⁹.

Мелкие же нацисты стремились как можно быстрее реабилитироваться и вернуться к работе (закон накладывал ограничения на трудоустройство до вынесения приговора). В резуль-

---

Paper No. 1. 2016. P. 24; Denazification Summary. Excerpt of OMGUS Report, prepared by the Civil Administration Division Covering 18-Month Period // Military Government Information Bulletin. 1949. No. 169. P. 28.

⁴⁵ Griffith W. E. The Denazification in the United States Zone of Germany // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1950. Vol. 267. No. 1. P. 71.

⁴⁶ Biddiscombe P. Op. cit. P. 191, 193.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Жаронкина Е. Политика американских оккупационных властей по денацификации и демократизации Западной Германии (1945–1949). Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. С. 119.

⁴⁹ Niethammer L. Die Mitläuferfabrik. Die Entnazifizierung am Beispiel Bayerns. 2. Auflage. Berlin; Bonn: Dietz, 1982.

тате трибуналы оказывались перегружены разбирательствами по делам рядовых членов партии, в то время как наиболее высокопоставленным партийцам и чиновникам нередко удавалось замести следы и избежать ответственности.

Другой проблемой, с которой сталкивались организаторы трибуналов, была нехватка кадров. В ранней статье о денацификации Элмер Плишке приводил высказывание министра политического освобождения одной из земель: тот сетовал, что должен назначить «десять тысяч политически надежных и опытных немецких судей», но «понятия не имеет, где найти даже малую долю от этого числа»⁵⁰. В результате трибуналы нередко комплектовались бывшими членами нацистской партии: по данным одного из отчетов 1948 года, примерно 60 % судей и 76 % прокуроров в денацификационных судах Баварии в прошлом сами были членами НСДАП⁵¹.

Для сокращения нагрузок и ускорения работы трибуналов американскому командованию пришлось пойти на смягчение условий денацификации. Уже в 1946 году были объявлены две амнистии: в августе от денацификации были освобождены молодые люди младше 28 лет, родившиеся после 1 января 1919 года, а 24 декабря были амнистированы бывшие нацисты с низким доходом и инвалидностью. В обоих случаях под амнистию попадали лишь те, кто не был отнесен к двум первым категориям виновности и не обвинялся в военных преступлениях. Так называемые «молодежная» и «рождественская» амнистии освободили от денацификации около 2 млн человек⁵².

Всего к июню 1948 года было амнистировано около 2,4 млн немцев, а перед трибуналами предстали около 950 тыс.⁵³ Из них главными виновными были признаны лишь 1635 человек, виновными 21 965, незначительно виновными 106 200, попутчиками 483 598, остальные приблизительно 333 тыс. человек либо были признаны невиновными, либо производство по их делам по разным причинам было прекращено. К различным срокам заключения были приговорены лишь 9,6 тыс. человек, большинство отделались штрафами⁵⁴. Еще более мягкими оказались результаты проверок во французской зоне: рассмотрев 670 тыс. дел, судебные трибуналы отнесли только 13 человек в первую категорию, 936 – во вторую, 16 826 (2,5 %) – в третью, 298 789 (15 %) – в четвертую, а 52 % дел были попросту прекращены⁵⁵.

Между тем усиливалось противостояние между западными странами и Советским Союзом. В ответ на решение включить Западный Берлин в сферу действия «плана Маршалла» СССР устроил транспортную блокаду, длившуюся с июня 1948 по май 1949 года. На этом фоне программа денацификации постепенно сворачивалась. В письме американского военного правительства земельным военным губернаторам от 27 марта 1948 года говорилось о необходимости ускорить завершение денацификационных судов в американской зоне, поскольку «с точки зрения целей военного правительства в Германии важно, чтобы эта программа была окончена быстро»⁵⁶. Согласно прилагаемым к письму уже вторым за полгода поправкам к закону о денацификации (первые были приняты в октябре 1947 года), те лица, кто не классифицировались как главные виновные, но состояли ранее членами преступной организации, могли теперь быть

⁵⁰ Plischke E. Denazifying the Reich // Review of Politics. 1947. Vol. 9. No. 2. P. 170.

⁵¹ Herz J. H. The Fiasco of Denazification in Germany // Political Science Quarterly. 1948. Vol. 63. No. 4. P. 591.

⁵² Plischke E. Denazification Law and Procedure // The American Journal of International Law. 1947. Vol. 41. No. 4. P. 826.

⁵³ Denazification Summary. Excerpt of OMGUS Report, Prepared by the Civil Administration Division Covering 18-Months Period // Military Government Information Bulletin. 1949. No. 169. P. 28.

⁵⁴ Cohen D. Transitional Justice in Divided Germany after 1945 // Elster J. Retribution and Reparation in the Transition to Democracy. New York: Cambridge University Press, 2006. P. 75; Biddiscombe P. Op. cit. P. 61.

⁵⁵ Cohen D. Op. cit. P. 80.

⁵⁶ OMGUS Letter to the Land Military Governors, U. S. Zone, Subject: Expediting Completion of Denazification Trials In the U. S. Zone, March 27, 1948 // OMGUS, Denazification (Cumulative Review), Report of the Military Governor, 1 April 1947 – 30 April 1948. 1948. No. 34. P. 150–163.

отнесены к категории попутчиков, а затем амнистированы или оштрафованы. С попутчиков были сняты ограничения по трудоустройству в период ожидания решений трибуналов⁵⁷.

В конце мая 1948 года американская военная администрация почти полностью сняла свой контроль над денацификацией (англичане официально завершили программу в январе того же года), а немцы обрели практически полную независимость и постарались свернуть процесс как можно скорее. В преддверии первых выборов в бундестаг, прошедших в западных землях в августе 1949 года и ознаменовавших образование нового независимого государства Федеративная Республика Германия (ФРГ), денацификация была почти полностью завершена.

Судебные процессы над военными преступниками

Параллельно с очищением от нацистских кадров проводились аресты десятков тысяч фактических или предполагаемых военных преступников, а также тех, кто представлял, по мнению военной администрации, возможные угрозы безопасности в период оккупации. Директива JCS № 1067 определяла, что обязательному «автоматическому аресту» (Automatischer Arrest) подлежали, в частности: «1) должностные лица нацистской партии НСДАП и ее формирований, аффилированных ассоциаций и контролируемых организаций, начиная с уровня лидеров местных групп (Ortsgruppenleiter) и должностных лиц эквивалентного ранга; 2) все сотрудники политической полиции, включая гестапо и Службу безопасности СС; 3) офицерский и младший офицерский состав Ваффен СС (Waffen-SS) и все члены подразделений СС; 4) все офицеры Генерального штаба; 5) офицеры полиции, имеющие звание выше лейтенанта; 6) кадровые офицеры СА; 7) ведущие должностные лица всех министерств и другие высокопоставленные чиновники начиная с уровня глав городских и сельских администраций (Bürgermeister), а также лица, которые занимали аналогичные должности, гражданские или военные, в администрациях стран, оккупированных Германией; 8) нацисты и нацистские сторонники, занимающие важные и ключевые позиции в: а) национальных и региональных гражданских и экономических организациях; б) корпорациях и других организациях, в которых правительство имело крупные финансовые интересы; в) промышленности, торговле, сельском хозяйстве и финансах; г) образовании; д) судебной системе; е) прессе, издательствах и других агентствах, распространяющих новости и пропаганду⁵⁸; 9) все судьи, прокуроры и должностные лица народного суда, специальных судов и других чрезвычайных судов, созданных нацистским режимом; 10) любой гражданин любой из стран Объединенных Наций или связанных государств, предположительно совершивший преступления против своего национального законодательства в поддержку немецких военных усилий; 11) любое другое лицо, чье имя или должность указаны в списках, представленных Объединенным комитетом начальников штабов, или о котором поступит отдельное уведомление»⁵⁹.

Это был неполный список: директивой JCS № 1067 военный губернатор наделялся правом «арестовывать и удерживать под стражей до судебного разбирательства со стороны соответствующего квазисудебного органа», который должен был быть создан им же, «всех лиц, которые могли поставить под угрозу выполнение целей военного командования» (§ 8).

В «Руководстве для военной администрации в Германии» 1944 года содержались списки должностных лиц нацистской партии, правительства, полиции и парамилитаристских структур, подлежавших интернированию с приблизительными оценками их численности. Наибо-

⁵⁷ Herz J. H. Op. cit. P. 576; Biddiscombe P. Op. cit. P. 80.

⁵⁸ В 8-м пункте содержалось следующее уточнение: «Как правило, в отсутствие доказательств обратного, можно исходить из того, что лица, занимающие подобные должности, являются нацистами или нацистскими сторонниками».

⁵⁹ Joint Chiefs of Staff Directive to Commander in Chief of United States Forces of Occupation Regarding the Military Government of Germany (JCS 1067/6), April 26, 1945 // OMGUS, Denazification (Cumulative Review), Report of the Military Governor, 1 April 1947 – 30 April 1948. 1948. No. 34. P. 15–16.

лее массовыми категориями, согласно этому документу, были: весь персонал гестапо и СД (по 15 тыс. человек); все офицеры СС (8 тыс.); все офицеры Ваффен СС (60 тыс.); офицеры СА выше ранга штурмбаннфюрера (Sturmabführer) (30 тыс.); офицеры гитлерюгенда выше ранга штатмфюрера (Stammführer) (20 тыс.); члены Национал-социалистического механизированного корпуса (НСМК; Nationalsozialistisches Kraftfahrkorps, NSKK) в ранге штаффельфюрера (Staffelführer) и выше (10 тыс.); офицеры Национал-социалистического авиакорпуса (НСФК; Nationalsozialistisches Fliegerkorps, NSFK) в ранге штурмбаннфюрера и выше (5 тыс.), все члены партии в ранге берайхсляйтера (Bereichsleiter) и выше (30 тыс.), руководители немецкой военной и гражданской администрации в оккупированных странах и территориях (3 тыс.) и др.⁶⁰ По разным оценкам, в западных зонах оккупации было таким образом арестовано от 200 до 250 тыс. человек. По имеющимся данным, 100 тыс. арестов были произведены в американской зоне, около 90 тыс. – в английской, остальные – во французской⁶¹. Примечательно, что эти числа фактически совпадали с предложениями группы Ноймана – Кирххаймера – Маркузе из Управления стратегических служб США.

Как и в случае с денацификацией нацистских кадров, политика в отношении нацистов, подвергшихся автоматическому аресту и интернированию с момента начала оккупации, постепенно смягчалась в ситуации назревающей холодной войны. В феврале 1946 года категории подлежащих обязательному аресту были существенно сокращены. Те, кто по новым правилам не подпадал под автоматический арест, должны были пройти проверку. Те, кто не подозревался в военных преступлениях и не привлекался судом в качестве свидетеля, были освобождены. В октябре 1946 года все лагеря для интернированных гражданских лиц были переданы в руки немецких властей, которые могли судить этих граждан на основании закона № 104.

На начальном этапе, как следует из отчетов военного губернатора, дело продвигалось очень медленно: до конца марта 1947 года немецкими трибуналами были вынесены приговоры лишь в отношении 262 интернированных из 50 747 оставшихся под стражей (включая 26 212 бывших офицеров СС, 17 471 члена нацистской верхушки, 1430 гестаповцев, 740 членов СД и 4894 представителей других категорий)⁶². В 1947–1948 годах, в контексте усиливавшегося противостояния с Советским Союзом и стремления западных союзников как можно быстрее завершить денацификацию в своих зонах, процесс освобождения интернированных был ускорен: чаще всего они освобождались с учетом отбытых сроков или приговаривались к штрафам. Так, в конце июля 1948 года в лагерях американской зоны оставалось лишь 3542 человека, из которых 1390 отбывали сроки, назначенные трибуналами⁶³. А к концу года число интернированных исчислялось лишь несколькими сотнями⁶⁴.

Для сравнения: в советской зоне оккупации Германии интернированию были подвергнуты 150 тыс. человек, из которых 17 тыс. были осуждены советскими военными трибуналами. Находясь в заключении, 44 тыс. интернированных погибли от ужасных условий содержания и болезней, а около 25 тыс. были депортированы в СССР и Польшу на принудительные работы⁶⁵.

Помимо автоматического ареста и последующего интернирования в специально организованные лагеря по факту принадлежности к ключевым организационным структурам Тре-

⁶⁰ Handbook for Military Government in Germany Prior to Defeat or Surrender. Supreme Headquarters, Allied Expeditionary Force, Office of the Chief of Staff, December 1944. Part III. Section V. The Task of the Military Government Officer. Table «C». P. 98–100.

⁶¹ См.: Romeike S. Op. cit. P. 22–25; Cohen D. Op. cit. P. 59–88.

⁶² OMGUS, Denazification (Cumulative Review), Report of the Military Governor, 1 April 1947 – 30 April 1948. 1948. No. 34. P. 6–7.

⁶³ Monthly Report of the Military Governor, U. S. Zone. 1948. No. 37. July. P. 9.

⁶⁴ Cohen D. Op. cit. P. 69–70.

⁶⁵ История Германии: В 3 т. / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. Галактионова. М.: КДУ, 2008. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. С. 346.

твого рейха, союзники занимались активным поиском отдельных подозреваемых в военных преступлениях, которые впоследствии должны были понести личную ответственность за свои деяния, представ перед судом.

Два различных типа помещения под стражу – задержание с последующим интернированием подлежащих «автоматическому аресту» и аресты подозреваемых в тяжких преступлениях – были определены директивой Контрольного совета № 38 «Арест и наказание военных преступников, нацистов и милитаристов; интернирование, контроль и надзор за потенциально опасными немцами» от 12 октября 1946 года. Среди целей этого документа, устанавливавшего общую линию поведения союзников в период оккупации Германии и согласовывавшего «некоторые детали в отношении определения категорий и характера наказаний и санкций», были указаны: «а) наказание военных преступников, нацистов, милитаристов и промышленников, которые вдохновляли и поддерживали нацистский режим; б) полное и окончательное уничтожение нацизма и милитаризма путем изоляции видных участников или сторонников этих идей и путем ограничения деятельности этих лиц; в) интернирование немцев, которые, не являясь виновными в определенных преступлениях, считаются опасными для союзных целей, а также контроль и надзор над другими, которые считаются потенциально опасными»⁶⁶.

Результатом совместных усилий союзников по привлечению к уголовной ответственности руководителей Третьего рейха стал Международный военный трибунал (МВТ) в баварском Нюрнберге. Трибунал, организованный после долгих согласований в ходе нескольких встреч «Большой тройки», был создан на основании Устава, выработанного и утвержденного правительствами государств-союзников в ходе Лондонской конференции 8 августа 1945 года⁶⁷.

Трибуналу предшествовал длительный подготовительный процесс. В октябре 1943 года на Московской конференции союзниками была принята Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства, в которой подчеркивалось, что главные нацистские преступники, «преступления которых не связаны с определенным географическим местом», «будут наказаны совместным решением правительств-союзников» (остальных виновных в преступлениях было решено отсылать в те страны, где преступления были совершены, «чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран»)⁶⁸.

Ключевая роль в разработке проекта и подготовке международного трибунала принадлежала американским юристам. Первый проект соглашения о создании МВТ был представлен американцами 3 мая 1945 года на совещании руководителей внешнеполитических ведомств СССР, США и Великобритании в Сан-Франциско. С 26 июня по 8 августа того же года в ходе конференции представителей СССР, США, Великобритании и Франции в Лондоне проводились выработка соглашения и Устава МВТ, согласование позиций относительно предъявленных обвинений, выявление и систематизация доказательств, определение функций и обязанностей трибунала. К концу лета был согласован список главных военных преступников, опубликованный 29 августа⁶⁹.

---

⁶⁶ Директива Контрольного совета в Германии № 38 от 12 октября 1946 года «Арест и наказание военных преступников, нацистов и милитаристов; интернирование, контроль и надзор за потенциально опасными немцами». <https://memorial.krsk.ru/DOCUMENT/USSR/19461012.htm>.

⁶⁷ Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, принятый 8 августа 1945 года в г. Лондоне // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М.: Госполитиздат, 1955. С. 165–172.

⁶⁸ Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства (Москва, 19–30 октября 1943 года). Секретный протокол Московской конференции (п. 18 – о принятии Декларации) // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов: Сборник документов. М.: Политиздат, 1978. Т. 1. С. 363–364.

⁶⁹ Подробнее о подготовке МВТ и о согласовании позиций и интересов союзников см.: *Taylor T. The Anatomy of the Nuremberg Trials: A Personal Memoir*. New York: Skyhorse Publishing, 2013. P. 21–116; *Лебедева Н. Дорога в Нюрнберг* // Нюрнбергский процесс в документах российских архивов. <http://nurnberg.rusarchives.ru/predislovie>.

Международный военный трибунал, созданный в Нюрнбергском дворце юстиции и заседавший с 20 ноября 1945 по 1 октября 1946 года, рассматривал дела 24 ключевых руководителей Третьего рейха. Точнее, тех из них, кто к тому моменту оставался в живых, кого удалось обнаружить и по поводу включения которых в список обвиняемых союзникам удалось достигнуть консенсуса. Эти высокопоставленные нацисты обвинялись в заговоре с целью захвата власти, в преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности (преступления, подпадающие под юрисдикцию трибунала, определяла статья 6 Устава)⁷⁰.

«Тот факт, что четыре Великие Державы, упоенные победой и страдающие от нанесенного им ущерба, удержали руку возмездия и передали своих плененных врагов на Суд справедливости, является одним из самых выдающихся примеров той дани, которую власть платит разуму», – заявил главный обвинитель от США Роберт Джексон в своей ставшей знаменитой вступительной речи, произнесенной 21 ноября 1945 года⁷¹.

В результате длившихся почти год судебных разбирательств обвиняемые были присуждены к различным наказаниям. Двенадцать человек были приговорены трибуналом к смертной казни: Герман Геринг (рейхсмаршал, главнокомандующий военно-воздушными силами Германии, 1935–1945), Йоахим фон Риббентроп (министр иностранных дел нацистской Германии, 1938–1945), Вильгельм Кейтель (начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Третьего рейха, 1938–1945), Эрнст Кальтенбруннер (руководитель Главного управления имперской безопасности (РСХА), 1943–1945), Альфред Розенберг (один из главных идеологов НСДАП, рейхсминистр восточных оккупированных территорий, 1941–1945), Ганс Франк (генерал-губернатор оккупированной Польши, 1939–1945), Вильгельм Фрик (рейхсминистр внутренних дел, 1933–1943; рейхспротектор Богемии и Моравии, 1943–1945), Юлиус Штрайхер (гауляйтер Франконии, главный редактор антисемитской газеты «Штурмовик» (*Der Stürmer*), 1923–1945), Фриц Заукель (гауляйтер Тюрингии, 1927–1945; генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы, 1942–1945), Альфред Йодль (начальник Штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования вооруженными силами, 1939–1945), Артур Зейсс-Инкварт (канцлер Австрии, 1938; рейхскомиссар Нидерландов, 1940–1945), Мартин Борман (начальник Партийной канцелярии НСДАП, 1941–1945; личный секретарь фюрера, был приговорен заочно). Трое обвиняемых были приговорены к пожизненному лишению свободы: Рудольф Гесс (заместитель фюрера в НСДАП, 1933–1941), Эрих Редер (главнокомандующий военно-морским флотом Третьего рейха, 1935–1943) и Вальтер Функ (имперский министр экономики, 1938–1945)⁷².

К двадцати годам лишения свободы были приговорены Бальдур фон Ширах (глава гитлерюгенда, 1933–1940; гауляйтер Вены, 1940–1945) и Альберт Шпеер (рейхсминистр вооружений и боеприпасов, 1942–1943; рейхсминистр вооружений и военного производства, 1943–1945). К пятнадцати годам был приговорен Константин фон Нейрат (министр иностранных дел Германии, 1932–1938; рейхспротектор Богемии и Моравии, 1939–1943), а Карл Дёниц (командующий подводным флотом, 1939–1943; главнокомандующий военно-морским флотом нацистской Германии, 1943–1945) – к десяти годам. Трое обвиняемых были оправданы: Ганс Фриче (руководитель отделов радиовещания и внутригосударственной прессы в Министерстве

⁷⁰ Ключевая роль в разработке преступлений, подпадающих под юрисдикцию Нюрнбергского трибунала (а впоследствии и Международного уголовного суда в Гааге), принадлежала двум бывшим студентам юридического факультета университета Яна Казимира во Львове. В связи с подготовкой к процессу в Нюрнберге Герш Лаутерпахт предложил формулировку и разработал концепцию «преступлений против человечества», основанную на принципе защиты отдельной личности, в то время как Рафаэль Лемкин ввел в международное право понятие «геноцида» для обозначения массового уничтожения целых групп. Подробнее о роли Лаутерпахта и Лемкина см.: *Sands Ph. East West Street: On the Origins of «Genocide» and «Crimes Against Humanity»*. London: Weidenfeld & Nicolson, 2016. В русском переводе: *Сэндс Ф. Восточно-западная улица. Происхождение терминов геноцид и преступление против человечества*. М.: Книжники, 2020.

⁷¹ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: В 8 т. М.: Юридическая литература, 1987. Т. 1. С. 390.

⁷² Приговор Международного военного трибунала // Нюрнбергский процесс. Т. 8. С. 561–721.

народного просвещения и пропаганды, 1933–1945), Ялмар Шахт (имперский министр экономики, 1934–1938) и Франц фон Папен (рейхсканцлер Германии, 1932; посол в Австрии, 1934–1938, и в Турции, 1939–1944). Глава Германского трудового фронта и заведующий Организационным отделом НСДАП Роберт Лей покончил с собой до начала процесса, а промышленник, глава концерна «Фридрих Крупп» Густав Крупп был признан неизлечимо больным, и дело в отношении его было прекращено до суда⁷³.

Обвинялись также группы и организации, к которым принадлежали подсудимые, но лишь четыре структуры из восьми были признаны преступными: руководящий состав НСДАП, охранные отряды партии СС, тайная политическая полиция гестапо и СД – Служба безопасности рейхсфюрера СС (*Sicherheitsdienst des Reichsführers-SS, SD*) (дела двух последних были отнесены в совместное производство)⁷⁴.

После основного процесса американские власти провели в своей зоне оккупации в 1946–1949 годах серию из двенадцати судебных процессов, вошедших в историю как «последующие» или «малые» Нюрнбергские процессы. Они проводились на основании предоставленного законом Контрольного совета № 10 права всем союзникам самостоятельно судить нацистов в пределах своей оккупационной зоны⁷⁵. Поскольку город Нюрнберг находился в американской зоне оккупации, последующие судебные разбирательства были проведены военными судами США в стенах того же Нюрнбергского дворца юстиции, где ранее заседал МВТ.

В ходе этих процессов перед американскими военными судами предстали нацистские судьи; медики, обвинявшиеся в принудительной эвтаназии, стерилизации, принудительных медицинских экспериментах и убийстве заключенных; представители военного командования Третьего рейха; чиновники Главного административно-хозяйственного управления СС; генералы вермахта, воевавшие в юго-восточной Европе; ведущие промышленники нацистской Германии (процессы по делам собственников и сотрудников концернов Ф. Флика, А. Круппа и «ИГ-Фарбен»); крупные государственные чиновники; руководители различных министерств и ведомств (по названию улицы в Берлине, где располагалось большинство правительственных учреждений, этот процесс вошел в историю как «дело Вильгельмштрассе»); ответственные за реализацию нацистской расовой политики; бывшие офицеры айнзацгрупп (*Einsatzgruppen*) – специальных подразделений СС и СД, созданных для уничтожения «врагов» рейха, и некоторые другие категории обвиняемых. В общей сложности приговоры были вынесены в отношении 184 человек⁷⁶.

Всего за оккупационный период американские военные трибуналы возбудили уголовные дела в отношении 1941 и вынесли приговоры в отношении 1517 человек (324 из них были приговорены к смертной казни, 247 к пожизненному заключению и 946 к различным тюремным срокам)⁷⁷. Американцы, в частности, провели процессы против 1021 бывшего сотрудника администрации и охраны концлагерей Дахау, Миттельбау-Дора и Флоссенбург. Еще 1085 человек были привлечены к уголовной ответственности в английской зоне (240 из них приговорены к смертной казни), в том числе персонал концлагерей Белзен, Нойенгамме и Равенсбрюк. В свою очередь, французские военные трибуналы вынесли приговоры в отношении 2107 человек (104 из них были приговорены к смертной казни). Во французской зоне, в частности, прошли процессы по делу сотрудников концлагерей Нацвейлер и Равенсбрюк и процесс по делу стале-

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Закон № 10 Контрольного Совета в Германии о наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности (20 декабря 1945 года) // Там же. Т. 1. С. 159–164.

⁷⁶ См. воспоминания главного обвинителя от США на последующих Нюрнбергских процессах Телфорда Тейлора: *Taylor T. Op. cit.* Также по теме: *Heller K. J. The Nuremberg Military Tribunals and the Origins of International Criminal Law.* Oxford: Oxford University Press, 2011.

⁷⁷ *Rückert A. The Investigation of Nazi Crimes 1945–1978. A Documentation.* Heidelberg: C. F. Müller, 1979. P. 28–29.

литейного промышленного магната Германа Рехлинга, которого называли «фюрером военной экономики»⁷⁸.

В отношении некоторых подозреваемых, кого не удалось обнаружить и задержать, приговоры выносились *in absentia*, в отсутствие подсудимых. Всего в годы оккупации западные союзники привлекли к уголовной ответственности за преступления, совершенные в период Третьего рейха, более 5 тыс. немцев⁷⁹.

Уголовные дела по нацистским преступлениям могли также рассматриваться немецкими судами: тем же законом СКС № 10 от 20 декабря 1945 года им предоставлялось право возбуждать такие дела с разрешения оккупационных властей. Однако юрисдикция немецких судов была ограничена преступлениями, совершенными немцами против немцев или лиц без гражданства (то есть они не могли проводить разбирательства по наиболее тяжким преступлениям, совершенным немцами против других народов и представителей других национальностей). До конца 1949 года немецкие суды осудили 4667 нацистских преступников главным образом за «доносы, расстрелы политических заключенных и „пораженцев“ незадолго до окончания войны, преступления против немецких евреев (особенно во время „Хрустальной ночи“), преследования политических оппонентов»⁸⁰. В рамках нескольких судебных процессов рассматривались «случаи „эвтаназии“, то есть убийств людей с психическими и физическими особенностями и пациентов психиатрических клиник»⁸¹.

Отдельно стоит обратить внимание на юридическую проблему осуждения членов преступных организаций Третьего рейха, с которой столкнулись союзники. Закон № 10 прямо определял в качестве преступной деятельности «принадлежность к определенным категориям внутри группы или организации, объявленной МВТ преступной» (§ 1 (d)) и устанавливал возможность наказания за принадлежность к преступной организации (в § 3 перечислялись наказания от штрафа и конфискации имущества до смертной казни).

Устав МВТ также предусматривал, что лица, совершая международные преступления, могли действовать как «индивидуально», так и «в качестве членов организации» (§ 6). Кроме того, в Уставе оговаривалось, что «при рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может <...> признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной» (§ 9)⁸².

Однако вынесенный 1 октября 1946 года приговор МВТ в целом отклонил принцип коллективной ответственности, утверждая, что «преступная виновность является личной и следует избегать массовых наказаний»⁸³. Относительно понятий «преступной организации» в приговоре содержалось уточнение: «Преступная организация аналогична преступному заговору в том, что по существу они предполагают сотрудничество ради преступных целей. Должна существовать группа, связанная и организованная для осуществления общей цели. Эта группа должна быть создана или использована в связи с совершением преступлений, предусмотренных Уставом»⁸⁴.

В приговоре Трибунала признавалось, что такие группы и организации, как руководящий состав нацистской партии, тайная политическая полиция (гестапо) и служба безопасности

---

⁷⁸ Rückert A. The Investigation of Nazi Crimes 1945–1978. P. 28–29.

⁷⁹ Ibid. P. 39.

⁸⁰ Romeike S. Op. cit. P. 15; Eichmüller A. Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen durch westdeutsche Justizbehörden seit 1945. Eine Zahlenbilanz // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2008. Vol. 56. No. 4. S. 626.

⁸¹ Ibid.

⁸² Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, принятый 8 августа 1945 года в г. Лондоне // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М.: Госполитиздат, 1955. С. 165–172.

⁸³ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: В 8 т. М.: Юридическая литература, 1999. Т. 8. С. 638.

⁸⁴ Там же. С. 639.

(СД), а также охранные отряды партии (СС) преследовали цели или использовались для целей, преступных с точки зрения Устава МВТ. В приговоре уточнялось, кто из членов организации может быть привлечен к ответственности в качестве членов группы, а кто нет. МВТ квалифицировал в качестве преступных лишь группы, состоявшие из тех членов политического руководства, СС, гестапо и СД, которые либо занимали высокие и ответственные посты в них (они перечисляются в тексте приговора), либо «вступили в организацию или оставались в ней, зная о том, что она использовалась для совершения действий, объявленных преступными в соответствии со статьей 6 Устава, либо тех, кто как члены организации лично принимали участие в совершении подобных преступлений»⁸⁵. «Это решение, – указывалось в Нюрнбергском приговоре, – должно исключить тех лиц, которые не были осведомлены о преступных целях или действиях организации, и тех, кто был призван в эту организацию государственными органами, за исключением тех случаев, когда они были лично замешаны в совершении действий, объявленных преступными в соответствии со статьей 6 Устава, в качестве членов этой организации. Формальное членство не подпадает под действие этого решения»⁸⁶.

Что касается правоприменения в этой области, то союзники, за исключением англичан, в основном рассматривали членство в организациях в рамках общего производства по делам о денацификации (на основании уже упоминавшейся директивы № 38). Как уточняет исследователь денацификации Дэвид Коэн, только британская зона проводила систематическую политику уголовного судопроизводства по членству в преступных организациях, создав для этой цели специальные трибуналы (Spruchgerichte) в лагерях для интернированных. К октябрю 1949 года они привлекли к ответственности 24 154 члена руководящего корпуса нацистской партии, СС, гестапо и СД, из которых 15 724 человека были осуждены: 5614 получили наказание в виде лишения свободы, а остальные приговорены к различным штрафам⁸⁷.

Достижения и проблемы денацификации

Смысл программы денацификации в западной части Германии предельно точно обобщил социолог Лев Гудков. Она «предполагала несколько важнейших социально-политических шагов, осуществленных юридически-правовым путем и направленных на то, чтобы сделать невозможным процесс социокультурного воспроизводства прежних отношений: а) первоначально административное, затем юридически оформленное оттеснение прежних нацистских кадров от государственного управления, запрет на занятие соответствующих позиций в органах исполнительной власти и возможность выборов в структуры законодательной власти, а также суда, в меньшей степени – армии, полиции и еще некоторых ключевых институтов; б) недопущение их к репродуктивным системам общества – прежде всего к преподаванию в высшей и средней школе и механизмам формирования общественного мнения (в первую очередь – к СМИ), ограничение влияния на культуру, литературу, искусство (временный запрет на публикацию); в) практика осуждения и уголовного преследования нацистских преступников (прежде всего – идеологов нацизма и функционеров высшего и среднего ранга), цепь международных, а затем и собственно германских трибуналов и судебных процессов разного уровня, установивших – первоначально внешним и принудительным образом – морально-правовую ответственность за участие в преступлениях тоталитарных режимов, внутренне с трудом принимавшуюся и усваиваемую населением»⁸⁸.

---

⁸⁵ Нюрнбергский процесс. Т. 8. С. 644, 649–650, 655.

⁸⁶ Там же. С. 639.

⁸⁷ Cohen D. Op. cit. P. 71.

⁸⁸ Гудков Л. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка // Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение; ВЦИОМ-А, 2004. С. 432–433.

Впервые в истории – в рамках Нюрнбергского процесса и последующих судебных разбирательств – в отношении политики геноцида и агрессивной войны была не только вынесена нравственно-этическая оценка, но и сформулирована юридическая позиция, ставшая основой международного права. Отныне массовые преступления против граждан больше не оставались исключительно внутренним делом государства, но могли преследоваться в международном правовом порядке. В 1950 году на основании решения МВТ Комиссией международного права по поручению Генеральной Ассамблеи ООН были сформулированы Нюрнбергские принципы, которые способствовали развитию международного уголовного права и легли в основу деятельности международных уголовных судов (в том числе созданного в 2002 году в Гааге постоянно действующего Международного уголовного суда)⁸⁹.

Примечательно, что привлечение к уголовной ответственности руководителей Третьего рейха нашло у большинства жителей Германии позитивный отклик несмотря на общее неприятие оккупации. Согласно данным опросов, проводившихся американской военной администрацией с октября 1945 по август 1946 года, абсолютное большинство жителей американской зоны (в среднем 80 %) считали Нюрнбергский процесс справедливым, и лишь 4–6 % – несправедливым. После того как приговор был оглашен, 55 % сочли вынесенные вердикты в целом справедливыми, 21 % – слишком мягкими и лишь 9 % – слишком жесткими. Более половины полагали, что обвинение в преступной деятельности следовало предъявить и нацистским организациям. Доля поддерживавших такое мнение составляла 56 % в октябре 1945 года, 60 % в декабре 1945-го и 59 % в октябре 1946 года⁹⁰.

Если значимость «судебной» части программы денацификации была на том этапе почти единогласно признана юристами, историками и самими жителями Германии, то очищение государственных публичных институтов от нацистских кадров удостоилось более противоречивых оценок. Главным недостатком этой части программы с точки зрения замысла, по мнению большинства экспертов, было чрезмерное расширение ее объема. Как обобщил выводы большинства наблюдателей историк денацификации Перри Биддискомб, программа должна была не включать рядовых членов партии, а затрагивать только руководящее звено и активных сторонников режима, способствовавших его укреплению, независимо от их партийной принадлежности⁹¹. В том виде, в котором она была реализована, денацификация напоминала, словами Биддискомба, «ковровую бомбардировку», вызвав нехватку специалистов во многих областях и значительно ухудшив функционирование администрации и экономики⁹². Например, к 1946 году в американской зоне были уволены около 50 % учителей, а в некоторых регионах доля уволенных педагогов достигала невероятных 90 %⁹³.

Среди других слабых сторон денацификации, как правило, отмечают затянутость процесса, перегруженность трибуналов незначительными делами и возможность избежать наказания для крупных нацистов. Все это приводило к долгосрочной дискредитации денацификации в глазах жителей страны, что нашло отражение и в данных социологических опросов. Так, Институт изучения общественного мнения в Алленсбахе дважды – в 1948 и 1953 годах – изучал восприятие денацификации жителями Западной Германии (*табл. 1*). В августе 1948 года, когда оккупация еще продолжалась, а программа денацификации была уже фактически свернута, положительно оценивали процесс очищения различных институтов от нацистских кадров лишь 14 % опрошенных, полагавших, что в целом денацификация достигла поставленной

---

⁸⁹ Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала. (Приняты в 1950 году на второй сессии Комиссии международного права ООН) // Международное публичное право: Сборник документов. М.: БЕК, 1996. Т. 2. С. 101–102.

⁹⁰ Merritt A. J., Merritt R. L. (eds) *Public Opinion in Occupied Germany*. Urbana: University of Illinois Press, 1970. P. 34–35.

⁹¹ Biddiscombe P. *Op. cit.* P. 217–218, 220.

⁹² Ibid.

⁹³ Puaca B. M. *Learning Democracy: Education Reform in West Germany, 1945–1965*. New York: Berghahn, 2009. P. 15.

цели. Наибольшую популярность в 1948 году имела точка зрения, что «денацификация была необходима, но была плохо реализована» (39 %), 31 % респондентов считали, что «денацификация была ненужной и плохо реализованной» и еще 9 % – что она «была крюкотворством, обманом и придирами оккупационных властей» (суммарно доля негативных оценок достигала 40 %). Спустя пять лет, когда оккупация являлась уже делом прошлого, доля разделявших мнение о необходимости денацификации, но считавших, что она была плохо реализована, сократилась до 23 % (на 16 п. п.). Произошло это, по всей видимости, за счет затруднившихся с ответом, доля которых выросла с 7 до 20 %. Негативная оценка этого процесса сохранилась на уровне 41 %, а позитивная выросла всего на 3 п. п. – до 17 %⁹⁴.

Таблица 1. «Какие из следующих утверждений относительно процесса денацификации лучше всего выражают ваше собственное мнение?» (В процентах от числа опрошенных)

	Август 1948	Ноябрь 1953
Денацификация была необходима и достигла поставленной цели	4	5
Денацификация имела множество изъянов, но в целом достигла своей цели	10	12
Денацификация была необходима, но была плохо реализована	39	23
Денацификация была ненужной и плохо реализованной	31	26
Денацификация была крюкотворством, обманом и придирами оккупационных властей	9	14
Не знаю / Затрудняюсь ответить	7	20

Скепсис большинства историков в отношении политики денацификации под контролем союзников связан и с тем, что после ее завершения все быстро вернулось на круги своя. Так, по данным Уильяма Гриффита, уже к 1950 году от 40 до 80 % нацистов в различных сферах возвратились на свои посты⁹⁵. А все приговоренные к разным срокам тюремного заключения высокопоставленные чиновники и военные были амнистированы или освобождены досрочно в 1949–1951 годах.

Важно зафиксировать проблематичность политики денацификации как в концептуальном плане (слишком расширительный подход, включение в программу рядовых членов партии), так и в плане реализации, особенно с момента передачи программы в руки немецких земельных правительств. Расчет американцев на эффективную реализацию денацификации немецкими властями не оправдался. Ретроспективно обращаясь к анализу этих мер, очевидно, что немецкие исполнители саботировали процесс, затягивая его и превращая в фактическую реабилитацию, «обеление» нацистских кадров. В то же время шансы на успех в контексте послевоенной оккупации могла иметь только быстрая, решительная и разумно ограниченная по объему программа очищения общества от действительных нацистских активистов и пособников⁹⁶. В контексте набиравшей обороты холодной войны, руководствуясь новыми интере-

⁹⁴ Noelle-Neumann E., Neumann E. P. (eds) *The Germans: Public Opinion Polls 1947–1966*. Allensbach: Verlag für Demoskopie, 1967. P. 219.

⁹⁵ Griffith W. E. Op. cit. P. 74.

⁹⁶ Cohen D. Op. cit. P. 82.

сами в Европе и подталкиваемые необходимостью ускорения экономического развития ФРГ, западные союзники не были готовы настаивать на последовательном проведении денацификационных мер.

Тем не менее, несмотря на все проблемы и сложности в реализации денацификации, важно, что, как справедливо отметила Барбара Маршалл, «союзниками была создана рамка, которая позволила немцам впоследствии самостоятельно осуществить процесс социальных и политических изменений»⁹⁷.

---

⁹⁷ *Marshall B.* The Democratization of Local Politics in the British Zone of Germany: Hanover 1945–47 // *Journal of Contemporary History*. 1986. Vol. 21. No. 3. P. 414, 447.

2. Источники изменения официальной коллективной памяти в послевоенной ФРГ ⁹⁸

Никакое национальное чувство, даже окрашенное в самые идиллические тона, никакие уверения в благожелательности переживших «благодать позднего рождения» не могут умалить или перечеркнуть тот опыт, который мы в единой Германии пережили как преступники, а другие претерпели от нас в качестве жертв. Нам не пройти мимо Аушвица. Как бы нам ни хотелось, мы не должны даже пытаться совершить подобный акт насилия, ибо Аушвиц неотделим от нас, он – несмываемое клеймо на нашей истории, он помог, во благо нам, сделать вывод, который можно сформулировать так: теперь-то, наконец, мы знаем самих себя.

Гюнтер Грасс ⁹⁹

В 1998 году немецкий философ Юрген Хабермас заметил, что произошедшее в Германии к середине 1980-х годов переосмысление национальной истории стало «результатом коллективного учебного процесса длиною в несколько десятилетий»¹⁰⁰. Каковы были основные этапы и компоненты этого процесса? Как и почему на смену героической национальной истории в Германии постепенно пришла память о преступлениях нацистского режима? Какие факторы оказали влияние на изменение политических и гражданских институтов и общественно-политического климата в стране?

Эта глава обращается к анализу причин изменений общественных представлений о национальном прошлом в послевоенной ФРГ. В ней анализируется постепенное расширение публичной сферы и появление альтернативных версий памяти в постоккупационный период; возникновение новых символических структур общественного сознания, последующая структуризация и институционализация памяти о нацистском прошлом; и, наконец, закрепление новых ценностей в системе культурных и общественно-политических институтов.

Уничтожение и обретение памяти

В периоды политических кризисов, отмеченных, как правило, утратой стабильности и определенности, возрастает значимость прошлого, которое в такие моменты «возвращается с удвоенной силой»¹⁰¹. Многочисленные кризисы современных обществ, повлекшие масштабные общественно-политические трансформации второй половины XX века, послужили росту интереса к проблематике «коллективной памяти» и возникновению, по выражению историка Чарльза Мэйера, всеобщей «жажды памяти»¹⁰².

Особую значимость тема памяти приобретает в обществах, переживших крах репрессивных – тоталитарных или авторитарных – режимов. В подобных социальных контекстах апелляция к прошлому связана в первую очередь с попытками поиска новых оснований коллективной идентификации. Запрос на память в посттоталитарных обществах – от послевоенной Германии

---

⁹⁸ В основе главы – статья автора, опубликованная в журнале «Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии» (2011. № 4 (110). С. 17–38).

⁹⁹ Grass G. Schreiben nach Auschwitz. Frankfurt am Main: Luchterhand Literaturverlag, 1990. S. 42.

¹⁰⁰ Habermas J. A Berlin Republic: Writings on Germany. Cambridge: Polity Press, 1998. P. 162.

¹⁰¹ Müller J.-W. (ed.) Memory and Power in Post-War Europe: Studies in the Presence of the Past. New York: Cambridge University Press, 2002. P. 3, 21.

¹⁰² Maier Ch. S. The Unmasterable Past: History, Holocaust, and German National Identity. Cambridge: Harvard University Press, 1988. P. 149.

до большинства восточноевропейских стран бывшего советского блока, включая страны бывшего СССР, – свидетельствует о тесной взаимосвязи понятий коллективной памяти и социальной идентичности, неоднократно отмечавшейся в ряде исследований¹⁰³. Социальная идентичность, понимаемая как переживание индивидом собственной принадлежности к той или иной группе, некоему общему «мы», во многом определяется общностью памяти и забвения тех или иных событий прошлого. Политика памяти, регламентирующая те аспекты истории, которые представляются национально значимыми и которые, следовательно, предстоит сохранить в памяти или предать забвению, имеет прямое отношение к процессам коллективной идентификации, к созданию того или иного образа общего «мы»¹⁰⁴.

Однако острота проблематики памяти в посттоталитарных обществах обусловлена не только крахом прежней идентичности и необходимостью поиска новой. Важен еще сам факт обретения памяти обществом, выходящим из-под жесткого государственного контроля над публичной и частной сферами. Репрессивный характер тоталитарного режима проявляется не только в блокировке возможности воспроизводства индивидуальной памяти, пережитого опыта, но и в установке на уничтожение самой памяти. Не случайно Примо Леви, прошедший несколько месяцев в нацистском Аушвице (Освенциме) и подробно описавший впоследствии этот опыт, называл всю историю Третьего рейха «войной против памяти»¹⁰⁵.

О лишении общества памяти неоднократно свидетельствовали и очевидцы сталинского террора. Так, по воспоминаниям Надежды Мандельштам, в сталинскую «программу уничтожения входило и искоренение свидетелей», а по убеждению другого значимого свидетеля тех лет, Анны Ахматовой, для осмысления, «подытоживания» этого опыта «убийства памяти» «потребуется еще столетие, не менее», поскольку «мертвые молчат, а живые молчат, как мертвые: иначе рискуют тоже превратиться в мертвых»¹⁰⁶.

Исследователь Сабина Арнольд использовала термин «оккупированная память» для описания репрессивного и манипулятивного контроля органов государственной власти над процессами формирования памяти. Арнольд обращала внимание на то, что в ситуации «оккупированной памяти» социальная память перестает выполнять обычные задачи по хранению и переработке информации, с одной стороны, и по формированию идентичностей и созданию смыслов – с другой¹⁰⁷. Поскольку доступ к архивам в тоталитарных государствах ограничен или запрещен, независимая систематизация, экспонирование, обработка, интерпретация и представление памяти здесь блокируются, и производится мифологизация исторических конструкций, служащая цели репрезентации ценностей национальной консолидации¹⁰⁸.

Социальный философ Джеймс Бут, отмечавший склонность национальных государств «национализировать» коллективную память, подвергать изгнанию групповые воспоминания

¹⁰³ Процессы коллективной идентификации и коллективных воспоминаний отождествлялись, к примеру, в работах Яна Ассмана, Джона Джиллиса и др.: *Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München: C. H. Beck, 1999; *Gillis J. R. Memory and Identity: The History of a Relationship* // Gillis J. R. (ed.) *Commemorations: The Politics of National Identity*. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 3–24.

¹⁰⁴ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / Пер. с фр. // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.

¹⁰⁵ Леви П. Канувшие и спасенные / Пер. с ит. М.: Новое издательство, 2010. С. 17–27.

¹⁰⁶ Мандельштам Н. Воспоминания. М.: Согласие, 1999. С. 106; Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М.: Время, 2007. Т. 2. С. 532; Т. 3. С. 54.

¹⁰⁷ Sabine A. Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis. Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat. Bochum: Projekt, 1998. S. 18. Дифференциация функций памяти – хранение и функциональная память – была впервые предложена историком культуры Алейдой Ассман. См.: *Assmann A. Funktionsgedächtnis und Speichergedächtnis. Zwei Modi der Erinnerung* // Platt K., Dabag M. (Hrsg.) *Generation und Gedächtnis. Erinnerung und kollektive Identität*. Wiesbaden: Opladen, 1995. S. 169–185; *Eadem. History, Memory, and the Genre of Testimony* // *Poetics Today: International Journal for Theory and Analysis of Literature and Communication*. 2006. Vol. 27. No. 2. P. 261–273.

¹⁰⁸ Volk Ch. Stalinism, Memory, and Commemoration: Russia's Dealing with the Past // *The New School Psychology Bulletin*. 2009. Vol. 6. No. 2. P. 53.

меньшинств, предупреждал об опасностях государственной монополии над коллективной памятью. Ибо восставшая в тот или иной момент память-идентичность меньшинств, стремящаяся либо к восстановлению подавленной при диктатуре коллективной памяти, либо к множественности сообществ памяти как оппозиции гомогенизации национального нарратива, может «нарушить унитарную, всепоглощающую официальную версию прошлого»¹⁰⁹.

Важным следствием распада тоталитарной системы является не только острый кризис идентичности, необходимость поиска новых оснований коллективной идентификации, но и высвобождение индивидуальной и коллективной памяти различных сообществ (этнических, религиозных и пр.), репрессированной в условиях диктатуры. Появление свободы высказывания как следствие краха прежнего режима способствует выходу на поверхность индивидуальных воспоминаний. Подобное освобождение памяти, однако, еще не является гарантией обретения обществом коллективной памяти о случившемся, поскольку, по справедливому замечанию социолога Льва Гудкова, «все пережитое частным человеком, прежде всего – нерелексивное страдание, уходит в никуда, если только оно не подверглось институциональной или специализированной проработке, если оно не пущено на другие каналы культурного воспроизводства, если частные мнения не санкционированы какой-то инстанцией, имеющей ранг надиндивидуального образования»¹¹⁰. Как отмечал исследователь исторической памяти Вульф Канштайнер, «все воспоминания, включая воспоминания свидетелей, очевидцев, приобретают коллективную значимость, только если они структурированы, представлены и использованы в социальной среде. В результате средства представления, обеспечивающие данный процесс, помогают наилучшим образом проследить эволюцию коллективных воспоминаний, особенно когда мы пытаемся восстановить, реконструировать их постфактум»¹¹¹.

В связи с этим особое значение приобретает проблема формирования механизмов удержания и воспроизводства коллективной памяти в новых общественно-политических условиях. Коллективную память можно рассматривать как «совокупность представлений о прошлом, структурированных той или иной социальной группой в процессе изобретения, присвоения, селекции событий прошлого, затрагивающих властные взаимоотношения внутри общества»¹¹².

В социальных исследованиях коллективная память все чаще становится атрибутом определенных групп – «сообществ памяти» (*communities of memory*), а не всего общества в целом. В современных условиях различные общественные группы – интеллектуальные и политические элиты, гражданские объединения (религиозные, этнические группы, ветеранские организации, организации жертв нарушений прав человека и др.), средства массовой информации, а также формальные институты (образовательные, судебные и пр.) – могут выступать посредниками между индивидуальными воспоминаниями и национальной (или официальной) памятью, закреплённой в официальных речах и торжественных мероприятиях, в официальных версиях национальной истории¹¹³. «Сообщества памяти» сегодня все чаще стремятся к признанию собственной версии коллективной памяти на общенациональном уровне и предъявляют государству соответствующие требования¹¹⁴.

¹⁰⁹ Booth J. W. *Communities of Memory: On Witness, Identity, and Justice of Memory*. Ithaca: Cornell University Press, 2006. P. 175.

¹¹⁰ Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 46–57.

¹¹¹ Kansteiner W. In *Pursuit of German Memory: History, Television, and Politics after Auschwitz*. Athens: Ohio University Press, 2006. P. 21.

¹¹² Confino A. *Remembering the Second World War, 1945–1965: Narratives of Victimhood and Genocide* // *Cultural Analysis*. 2005. Vol. 4. P. 48.

¹¹³ Rouso H. *Le Syndrome de Vichy: De 1944 à nos jours*. Paris: Seuil, 1990; Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

¹¹⁴ Booth J. W. *Op. cit.*

Появление «сообществ памяти», формирование коллективных памяти различных социальных групп, способных отстаивать свое право на память, бороться за презентацию собственной версии памяти в публичном пространстве предполагает наличие определенного типа общественных отношений. Реализация принципа плюрализма и конкуренции, определенной степени свободы в общественно-политической сфере – это предпосылка возникновения различных коллективных воспоминаний.

В обществах, где существует открытый и противоречивый исторический дискурс (или, по крайней мере, его возможность), где его принципы и нормы разделяются всеми участниками и где процесс формирования идентичности и самовосприятия происходит на основании обсуждения, переговоров в публичной сфере, есть вероятность предотвращения мифологизации прошлого¹¹⁵. Там, где содержание коллективной памяти представляет собой результат постоянных согласований (или борьбы) в публичной сфере, официальная память хотя и может быть доминирующей, но не является, как правило, единственной. А значит, ни идентичность, ни память в таких обществах не монолитны; они способны меняться в соответствии с реальной общественной динамикой, вырабатываться в результате постоянного процесса публичного согласования различных позиций и интересов, выкристаллизовываться в попытке достижения той модели общежития, которую Ханна Арендт определяла как «совместное бытие различий»¹¹⁶.

Исследовательский интерес здесь представляет изучение и описание процессов столкновения, взаимодействия различных типов и уровней коллективной памяти (связанных с реализацией целей, интересов, представлений различных социальных групп), а также их влияния на официальный дискурс и в конечном итоге на то, что социолог Юрий Левада именовал «программой культуры»¹¹⁷. Поскольку особую роль в структурировании политического дискурса играют символы и символические структуры общественного мнения, задача состоит в анализе и понимании структуры и логики данного дискурса, изучении институтов, обеспечивающих его воспроизводство и связанных с ним символических практик¹¹⁸.

Хотя забвение, вытеснение является частью меморизации в любом социальном контексте, особый интерес представляют процессы «обретения памяти» в результате выхода на авансцену публичной жизни различных сообществ памяти, презентация ими соответствующих версий прошлого, влияние этих дискурсов на официальный и, наконец, структуризация и институционализация коллективной памяти.

Помимо умножения «сообществ памяти», другой значимой тенденцией последних десятилетий стал обозначившийся сдвиг в логике формирования воспоминаний о прошлом. Теперь в памяти многих народов находится место не только для воспоминаний о героических моментах национальной истории, но и о страданиях и преступлениях – о том, на чем ранее было не принято акцентировать внимание, о том, что зачастую скрывалось. Последние десятилетия были отмечены появлением новой «культуры легитимации», которая выражается в отказе от традиционных положительных форм политической легитимации – как правило, отмеченной триумфальным утверждением национальной истории – и включением проблематики национального покаяния и воспоминаний о коллективной несправедливости, имевшей место в тот

---

¹¹⁵ Volk Ch. Op. cit. P. 53.

¹¹⁶ Арендт Х. Vita Activa, или о Деятельной жизни. СПб.: Алетеия, 2000. С. 228.

¹¹⁷ Левада Ю. О построении модели репродуктивной системы (проблемы категориального аппарата) [1980] // Левада Ю. Статьи по социологии. М.: Фонд Макаруров, 1993. С. 51–53.

¹¹⁸ Говоря о важности символических структур в процессах коллективной идентификации, Ю. Левада писал: «Обращение к символическим конструкциям упрощает отношение человека к социальной реальности, избавляет его от самостоятельных усилий понимания, оценки и пр., используется как доказательство лояльности по отношению к какой-то традиции, идеологии, социальной группе или институту». Левада Ю. Люди и символы. Символические структуры в общественном мнении. Заметки для размышления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 6 (56). С. 11. См. также: Olick J. K. Collective Memory: The Two Cultures // Sociological Theory. 1999. Vol. 17. No. 3. P. 333–348.

или иной период прошлого. Процесс покаяния и примирения, развернувшийся в мире на рубеже XX–XXI веков, дал основания некоторым экспертам определить его как «настоящую лавину извинений»¹¹⁹.

В связи с этим возникают вопросы: как и почему меняются политические установки и мемориальные дискурсы? Каким образом на смену героической истории приходят воспоминания о неблагоприятном, зачастую преступном прошлом? Какие факторы влияют на изменение общественно-политического климата в стране? В этой главе мы обратимся к анализу источников изменения официальной коллективной памяти на примере послевоенной Западной Германии, рассмотрим в самых общих чертах те факторы, которые оказали наибольшее влияние на формирование исторического дискурса о Холокосте и Второй мировой войне, на изменение общественно-политической обстановки в ФРГ и – шире – всей западногерманской «программы культуры».

Расширение публичной сферы и появление альтернативных версий памяти

В период после окончания Второй мировой войны и вплоть до середины 1960-х годов вытеснение памяти о преступлениях и жертвах Третьего рейха, с одной стороны, и самосожаление, виктимизация, культивирование собственных страданий, с другой, стали для немцев массовыми защитными механизмами избегания моральной и исторической ответственности за роль в Холокосте в качестве исполнителей преступлений, коллаборационистов или безучастных наблюдателей.

Программа денацификации, несмотря на всю ее значимость, не оказала того воздействия на общественно-политическую сферу, которого ожидали союзники. С 1945 по 1948 год число немцев, считавших нацизм хорошей, но плохо реализованной идеей, выросло с 47 до 55 %, а число тех, кто считал нацизм исключительно плохой идеей, снизилось с 41 до 30 %. Тогда же 18 % жителей Германии были убеждены, что нация может стать сильной только в случае нахождения у власти диктатора; 29 % высказывались за цензуру публикаций, критикующих правительство; 33 % были уверены, что евреи не могут иметь те же права, что и остальные граждане. Имперские амбиции немцев тоже отнюдь не исчезли. Так, 52 % опрошенных в 1946 году считали, что территории Данцига (Гданьска), Судетской области и Австрии должны принадлежать Германии, 39 % придерживались откровенно антисемитских взглядов, 48 % были убеждены в том, что одни расы более склонны к господству, чем другие¹²⁰.

В апреле 1947 года публицист Ойген Когон в статье «О ситуации» так описывал доминирующее общественное состояние:

Миллионы и миллионы в этой стране руин и невыносимого для многих душевного и физического страдания пытаются понять смысл происходящего. Но большая часть нации ничего не хочет знать об истинной взаимосвязи и глубоком смысле событий. Многие немцы делают свои

---

¹¹⁹ Автор книги «Прощение: Разрывая оковы ненависти» Майкл Хендерсон приводит множество примеров публичного признания ответственности за прошлое. Так, страны Европы признавали и продолжают признавать свою ответственность за сотрудничество с нацистским режимом в годы Второй мировой войны. Руководство Австралии и Канады принесли извинения коренным народам их стран за ранее проводимую жестокую политику отделения и ассимиляции детей. Президент США принес извинения Африке за работорговлю. Схожие процессы имели место в ЮАР, где был опубликован доклад Комиссии по справедливости и примирению (The Truth and Reconciliation Commission), а также во многих других странах. См. подробнее: Хендерсон М. Прощение: Разрывая оковы ненависти / Пер. с англ. М.: ББИ, 2007. С. 46–48; Giesen B. Triumph and Trauma. Boulder: Paradigm Publishers, 2004; Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / Пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

¹²⁰ Merritt A. J., Merritt R. L. (eds) Public Opinion in Occupied Germany. The OMGUS Surveys, 1945–1949. Urbana: University of Illinois Press, 1970. P. 31–32, 38–40, 171.

обычные дела, сердитые на все и вся или отчаявшиеся, громко жалуясь и ворча, сваливают вину за случившееся частично на «ошибки, допущенные национал-социализмом», а в основном на союзников, которые победили и держат теперь страну в оккупации. Все их аргументы поверхностны, черпаются лишь из очевидных фактов: жертвы войны с воздуха (конечно, против Германии, позабыв при этом немецкие террористические налеты на Польшу, на Роттердам, на Белград, на Ковентри и все другие города с мирными жителями, которые надлежало «стереть с лица земли», все это было давно и не важно ...но Дрезден, и Гамбург, и...!). Жертвы воздушных налетов отождествляются со всеми ужасами концлагерей; истязание и частичное уничтожение других народов немцами – «если это действительно правда!» – противопоставляется насильственному выселению 12 миллионов немцев с Востока; выкачанные национал-социализмом ресурсы Европы приравниваются к демонтажу экономики Германии оккупационными властями; если другие годами голодали, то это было жестокой необходимостью военного времени, а нас заставляют умирать от голода в мирное время. <...> Эта часть нации почти ничего не желает признавать. И на деле это выглядит так, будто это есть большая часть немецкого народа. И день ото дня она все растет¹²¹.

Подобные общественные настроения нашли отражение в соответствующем официальном политическом дискурсе, а также в политике памяти, нацеленной на примирение с нацистским прошлым и на его забвение. Акцент в публичных выступлениях западногерманских политиков в послевоенные годы неизменно делался на страдания немцев, ставших жертвами Гитлера и его клики, страдавших от войны, бомбежек, вынужденного переселения и т. п. Среди распространенных риторических приемов, к которым прибегали первые лица созданной в 1949 году Федеративной Республики Германии, было активное употребление в официальных речах неагентивных конструкций – страдательного залога («преступления, которые были совершены»), безличных предложений и конструкций («несчастья, постигшие нас»), а также метафор, подчеркивающих внесубъектный, фаталистический характер прошлого как находящегося за пределами человеческого контроля («катастрофа», «разрушительные силы» и пр.)¹²². Как отмечал историк Норберт Фрай, автор книги «Политика прошлого. Истоки Федеративной республики и национал-социалистическое прошлое»: «То, что оставалось от Третьего рейха, – превратилось в инкарнацию абстрактного зла, в национал-социализм без национал-социалистов»¹²³.

На фоне нараставших защитных настроений более чем в два раза – с 78 % в 1946 году до 38 % в октябре 1950 года – сократилась доля признававших Нюрнбергский процесс справедливым¹²⁴. На вопрос, заданный социологами из Института Алленсбаха в августе 1953 года, «Как вы думаете, можно ли упрекнуть немецких солдат за их поведение в оккупированных странах во время войны?», 55 % респондентов ответили «нет» (среди мужской части населения

---

¹²¹ Kogon E. Über die Situation // Frankfurter Hefte. 1947. Vol. 2. No. 1. S. 17–37. Цит. по: *Propyn P.* Война Германии против Советского Союза, 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз: Каталог выставки. Berlin: Argon-Verlag GmbH, 1992. С. 265.

¹²² См. подробный анализ западногерманского послевоенного официального исторического дискурса в диссертации социолога Джеффри Олика: *Olick J. K.* The Sins of the Fathers: The Third Reich and West German Legitimation, 1949–1989. PhD. diss. Yale University, 1993. P. 80–81.

¹²³ Frei N. Das Problem der NS – Vergangenheit in der Ära Adenauer // Oberreuter H. (Hrsg.) *Freundliche Feinde? Die Alliierten und die Demokratiegründung in Deutschland.* München; Landsberg: Olzog, 1996. S. 193; *Idem.* Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München: C. H. Beck, 1996.

¹²⁴ *Brochhagen U.* Nach Nürnberg: Vergangenheitsbewältigung und Westintegration in der Ära Adenauer. Hamburg: Junius, 1994. S. 35.

этот показатель достигал 60 %); 21 % опрошенных выбрали позицию «в некоторых случаях» и лишь 6 % респондентов ответили «да» (еще 18 % не определились с ответом)¹²⁵.

Одним из наиболее значимых индикаторов примирения с прошлым стала широкомасштабная амнистия нацистских преступников в 1950-е годы, а также намерение правительства Конрада Аденауэра (1949–1963) применить в их отношении срок давности. Происходил постепенный возврат лиц, прошедших денацификацию, в различные сферы общественной жизни после выхода популярного закона 1949 года об амнистии военных преступников, в том числе командиров айнзацгрупп, или «эскадронов смерти» (Einsatzgruppen), и в особенности после принятия так называемого 131-го закона 1951 года, позволявшего возвращать рабочие места бывшим государственным служащим Третьего рейха¹²⁶.

Трагическим примером нежелания актуализировать общественную память о преступлениях нацизма стал отказ берлинского сената поддержать в 1965 году проект по созданию музея Холокоста и документального центра в здании, где 20 января 1942 года был оглашен план «окончательного решения еврейского вопроса». В отчаянии от бесплодных усилий, направленных на реализацию собственного замысла и на изменение общественной атмосферы в послевоенной ФРГ, автор проекта, бывший узник Аушвица, историк Джозеф Вульф, написавший к тому моменту около двух десятков работ о Третьем рейхе, покончил жизнь самоубийством. Лишь спустя три десятилетия проект Вульфа был реализован, и в Берлине появился Дом-музей Ванзейской конференции¹²⁷.

Пример Вульфа тем не менее свидетельствует, что, хотя стратегия памяти, нацеленная на забвение, вытеснение из сознания «неудобного» прошлого, была преобладающей в послевоенный период, призывы к критическому переосмыслению национальной истории звучали с момента окончания войны. Если сторонники первого подхода – в основном находившиеся у власти в первые два послевоенных десятилетия немецкие консервативные элиты, политически представленные, в первую очередь, блоком Христианско-демократического союза (ХДС; Christlich Demokratische Union Deutschlands, CDU) и Христианско-социалистического союза (ХСС; Christlich-Soziale Union in Bayern, CSU), – стремились защитить и сохранить целостность национального идеала, настаивая на нормализации, дестигматизации немецкой идентичности, выступая с призывами стать наконец «нормальной нацией» и преодолеть «проклятое» прошлое, то носители альтернативных идей, – прежде всего, леволиберальные интеллектуалы и активисты, близкие Социал-демократической партии Германии (СДПГ; Sozial-demokratische Partei Deutschlands, SPD), а также Свободной демократической партии (СвДП; Freie Demokratische Partei, FDP) – считали немецкую национальную идентичность непоправимо испорченной, призывали к очищению от национальных идеалов и ценностей, предлагали взамен концепцию «постнациональной» идентичности, основанной на уважении универсальных ценностей и норм.

Если консерваторы считали ответственными за Третий рейх лишь фюрера и его приспешников, узурпировавших власть и прервавших тем самым «нормальный» ход немецкой истории, то их оппоненты видели национал-социализм плодом всей предшествующей политики немецкого государства. В отличие от консервативных сторонников нормализации, леволиберальные интеллектуалы и политики старались привлечь внимание не к страданиям немцев, а к

¹²⁵ Noelle-Neumann E., Neumann E. P. (eds) *The Germans: Public Opinion Polls 1947–1966*. Allensbach: Verlag für Demoskopie, 1967. P. 202.

¹²⁶ Gesetz über die Gewährung von Straffreiheit vom 31. Dezember 1949 // BGBl. 1949. I. Nr. 9. S. 37–38. http://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBl&jumpTo=bgbl149009.pdf; Gesetz zur Regelung der Rechtsverhältnisse der unter Artikel 131 des Grundgesetzes fallenden Personen vom 11. Mai 1951 // BGBl. 1951. I. Nr. 22. S. 307–322. http://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBl&jumpTo=bgbl151s0307.pdf.

¹²⁷ Berg N. Joseph Wulf. A Forgotten Outsider Among Holocaust Scholars // Bankier D., Michman D. (eds) *Holocaust Historiography in Context. Emergence, Challenges, Polemics and Achievements*. Jerusalem: Yad Vashem Publications, 2008. P. 167–206.

непосредственным жертвам нацистского режима, осуждали массовое возвращение в публичную жизнь бывших нацистов, выступали с призывами не забывать о прошлом, дабы избежать его повторения.

Подобных взглядов, в частности, придерживались многие члены объединения немецкоязычных литераторов «Группа 47» (Gruppe 47), созданного в 1947 году писателем Гансом Вернером Рихтером и его коллегами с целью осмысления опыта нацизма, Холокоста и Второй мировой войны. Члены объединения выступали с жесткой критикой складывающегося в послевоенной ФРГ социального уклада, бескомпромиссно диагностируя общественное состояние¹²⁸. Один из основателей «Группы 47», писатель и драматург Зигфрид Ленц с горечью отмечал в 1961 году, что западногерманская действительность того периода «как нельзя лучше отражена в судьях, нарушивших закон; врачах, когда-то работавших над программой эвтаназии, а ныне занимающихся частной практикой; в безнаказанных функционерах жестокого государства, снова находящихся на государственной службе»¹²⁹. Ленцу вторил писатель Вольфдитрих Шнурре, с полемическим пылом заявлявший, что «нацисты, которые никогда, по сути, не были отстранены от власти и были объявлены законом невиновными, унаследовали демократию и, под маской дружелюбия и приветливости, проникли в государственные учреждения, экономику, политику, систему правосудия, журналистику, медицину, искусство и научные круги»¹³⁰. Публичные высказывания и произведения Генриха Бёлля, Петера Вайса, Гюнтера Грасса, Уве Йонсона, Зигфрида Ленца, Альфреда Андерша, Вольфганга Кёппена, Эриха Марии Ремарка, Рольфа Хоххута, Ганса Фаллады и других авторов постоянно ставили перед немецким читателем вопросы ответственности за прошлое (в 1990-е годы журналист, публицист и писатель Франк Ширрмахер назовет послевоенную немецкую литературу «производственным центром западногерманской совести»)¹³¹.

«Нам пришлось начинать заново», – признавался основатель «Группы-47», писатель Ганс-Вернер Рихтер. «Нам приходилось вырубать просеки в джунглях, чтобы возродить немецкий язык. После 12 лет, в течение которых немецкий был сведен к бессмысленной пропаганде или символизму „внутренней эмиграции“, даже самые простые слова утратили свой истинный смысл. Мы не могли больше использовать такие слова, как „сердце“, „дух“, „кровь“, „земля“, „народ“, „отечество“, потому что во время Третьего рейха они приобрели смысл и значение, которые были отвергнуты теми из нас, кто вернулся с войны. Наш словарный запас изначально был сокращен до нескольких сотен слов, лишенных каких-либо намеков или двусмысленностей...»¹³²

Важно, что помимо острой критики немецкие интеллектуалы выдвигали альтернативные идеи и программы, заложившие основание последующим социальным, культурным и политическим преобразованиям. Достаточно вспомнить лекционный курс и одноименную книгу Карла Ясперса «Вопрос о виновности» (1946), его более поздние труды, включая трактат «Куда движется ФРГ?» (1966), «Немецкую катастрофу» Фридриха Майнеке (1946), статьи философа и социолога Франкфуртской школы Теодора Адорно, публикации Юргена Хабермаса, фундаментальную работу психоаналитиков Александра и Маргарете Митчерлих «Неспособность к скорби. Основы коллективного поведения» (1967)¹³³.

¹²⁸ См.: Richter H. W., Mannzen W. (Hrsg.) Almanach der Gruppe 47, 1947–1962. Reinbek: Rowolt, 1962.

¹²⁹ Lenz S. Die Politik der Entmündigung // Walser M. (Hrsg.) Die Alternative oder brauchen wir eine neue Regierung? Reinbek: Rowohlt, 1961. S. 134.

¹³⁰ Schnurre W. Das falsche Gleis // Ibid. S. 69.

¹³¹ Schirrmacher F. Abschied von der Literatur der Bundesrepublik // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 02.10.1990. S. 1–2.

¹³² Цит. по: Dornberg J. The New Germans: Thirty Years After. New York: Macmillan Publishing Co., Inc., 1976. P. 189.

¹³³ Jaspers K. Die Schuldfrage. Heidelberg: Verlag Lambert Schneider, 1946; Idem. Wohin treibt die Bundesrepublik? Tatsachen, Gefahren, Chancen. München: Piper, 1966; Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden: Eberhard Brockhaus Verlag, 1946; Mitscherlich A., Mitscherlich M. Die Unfähigkeit zu trauern: Grundlagen kollektiven Verhaltens.

Немецкий философ, психолог и психиатр Карл Ясперс (1883–1969) прочел свой ставший впоследствии знаменитым курс в Гейдельбергском университете зимой 1945/46 года, когда в Нюрнбергском дворце юстиции шли разбирательства в отношении бывших руководителей Третьего рейха. Почти сразу, в 1946-м, была издана его книга «Вопрос о вине» (Schuldfrage), ставшая настоящим моральным вызовом для немецкой нации. В ситуации полной дезориентации периода так называемого «нулевого часа» (Stunde Null) философ пытался убедить сограждан в «правомерности и правдивости» Нюрнбергского процесса: «Национальный позор состоит не в суде, а в том, что к нему привело, в самом факте этого режима и его действий. Сознание национального позора для немцев неизбежно. Оно направлено не в ту сторону, если обращено к этому процессу, а не к его истоку»¹³⁴.

Размышляя о вине немцев, Ясперс различал уголовную, политическую, моральную и метафизическую виновность. Если *уголовная вина*, согласно автору, связана с преступлениями, которые «состоят в объективно наказуемых действиях, нарушающих недвусмысленные законы», а инстанцией в данном случае «является суд, который с соблюдением формальностей точно устанавливает состав преступления и применяет политические законы», то *виновность политическая* «означает ответственность всех граждан данного государства за последствия его действий», ибо «каждый человек отвечает вместе с другими за то, как им правят»¹³⁵.

Моральная виновность, по Ясперсу, связана с представлением о том, что каждый человек несет ответственность за совершаемые им действия: «Нельзя просто сослаться на то, что „приказ есть приказ“. Поскольку преступления остаются преступлениями и тогда, когда они совершены по приказу (хотя в зависимости от степени опасности, принуждения и террора возможны смягчающие обстоятельства), каждое действие подлежит и моральной оценке. Инстанцией является собственная совесть, а также общение с другом и близким, любящим человеком, которому не безразлична моя душа»¹³⁶.

И наконец, *метафизическая виновность*, по Ясперсу, имеет своим источником солидарность «между людьми как таковыми, которая делает каждого ответственным за всякое зло, за всякую несправедливость в мире, особенно за преступления, совершаемые в его присутствии или с его ведома»¹³⁷. «Если я не делаю, что могу, чтобы предотвратить их, – писал философ, – я тоже виновен. Если я не рискнул своей жизнью, чтобы предотвратить убийство других, но при этом присутствовал, я чувствую себя виноватым таким образом, что никакие юридические, политические и моральные объяснения тут не подходят. То, что я продолжаю жить, когда такое случилось, ложится на меня неизгладимой виной». Инстанция в данном случае – «один лишь Бог...»¹³⁸.

Призывая соотечественников к публичному разговору об их общей судьбе, к преодолению барьеров предвзятости и недоверия, к развитию умения «мысленно становиться на точку зрения другого», «пробиться друг к другу, говорить друг с другом, попытаться убедить друг друга», Ясперс не питал иллюзий о доминировавшем общественном состоянии. «Горизонт сузился, – писал он. – Люди не хотят слышать о виновности, о прошлом, их не заботит мировая история. Настроение скорее такое, словно после столь страшных страданий следовало бы ждать вознаграждения, на худой конец, утешения, но уж никак не взваливать на себя еще и вину»¹³⁹.

Многие исследователи послевоенной ФРГ сходятся во мнении, что определенный перелом в общественно-политической ситуации наметился лишь более десятилетия спустя после

München: Piper, 1967.

¹³⁴ Ясперс К. Т. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1999. С. 42.

¹³⁵ Там же. С. 18.

¹³⁶ Там же. С. 19.

¹³⁷ Там же. С. 20.

¹³⁸ Там же. С. 19–20.

¹³⁹ Ясперс К. Т. Вопрос о виновности. С. 6–14, 15.

выхода в свет книги Ясперса о вине и ответственности. Одним из ключевых текстов, повлиявших на изменение отношения к национальному прошлому, стала опубликованная (а ранее озвученная в форме радиолекции) статья известного философа и социолога Франкфуртской школы Теодора Адорно (1903–1969) «Что значит проработка прошлого?» (*Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit*)¹⁴⁰.

В своей лекции-статье 1959 года, ставшей, как и лекции Ясперса, определенным ориентиром и вызовом для интеллектуалов и молодого поколения, Адорно утверждал, что разговоры о «преодолении прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*) в послевоенной Германии на самом деле вуалировали желание людей «подвести черту под прошлым и по возможности стереть его из памяти». Он отмечал «тенденцию бессознательной, а также не такой уж бессознательной защиты от чувства вины», констатируя, что «под проработкой прошлого вовсе не имеется в виду, что прошедшее перерабатывается всерьез и его чары рассеиваются под воздействием ясного сознания». Адорно призывал соотечественников именно к такой осознанной «проработке» национального прошлого (*Aufarbeitung der Vergangenheit*) в процессе критического осмысления его причин и последствий. Этот процесс сродни процессу психоанализа, который «закljučается как раз в критической рефлексии»¹⁴¹.

Концепция «проработки прошлого», предложенная Адорно и впоследствии развитая Митчерлихами, действительно во многом опиралась на психоаналитическую теорию Зигмунда Фрейда, согласно которой молчание является формой сопротивления, противодействия превращению бессознательных процессов в сознательные, которое возникает во время психоаналитического лечения. В то же время важнейшее средство такого лечения – вербализация, проговаривание всех чувств (постулат Фрейда: «Опишите чувства в словах»), которое помогает сделать бессознательные содержания сознательными¹⁴². Адорно перенес эту схему на социальный уровень, противопоставляя критическую рефлексию общераспространенной защите от чувства вины и общему желанию подвести черту под неудобным прошлым.

По мнению Адорно, нежелание немцев критически осмыслить собственное прошлое – как на личностном, так и на официальном уровне – свидетельствовало не о продолжении фашистских тенденций, направленных *против* демократии (возрождение неонацистского активизма), но о жизни нацизма *внутри* демократии, о просачивании национал-социализма в саму демократическую систему, в чем философ видел еще большую угрозу¹⁴³.

В более поздней публикации 1966 года Адорно развил концепцию «проработки прошлого», определив ее приоритеты в контексте образования и просвещения. В статье «Воспитание после Аушвица (Освенцима)», которая тоже впервые вышла в радиоформате, автор утверждал, что недопущение повторения Аушвица есть основная задача образования («Аушвиц: никогда снова!»). Адорно настаивал на необходимости проработки прошлого, имея в виду важность критического осмысления негативных событий прошлого и их последствий, выработки понимания того, что нельзя делать, чтобы общество не утратило духа человечности. «Надо работать против этого недостатка рефлексии, разубедить людей вести внешнюю борьбу без критического осмысления, – писал он. – Единственное образование, которое имеет какой-то смысл, – это образование, направленное на критическую рефлексию»¹⁴⁴.

¹⁴⁰ Adorno Th. W. Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit [1959] // Adorno Th. W. Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1977. Bd. 10.2. S. 555–572. Далее цит. по: Адорно Т. Что значит «проработка прошлого»? / Пер. с нем. // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 36–45.

¹⁴¹ Там же. С. 36.

¹⁴² Freud S. The Unconscious // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud / Ed. by J. Strachey. London: The Hogarth Press, 1915. Vol. 14. P. 161–215; Breuer J., Freud S. Studies on Hysteria. Oxford: Basic Books, 1957; Rogers C. Counseling and Psychotherapy: Newer Concepts in Practice. Boston: Houghton Mifflin Company, 1942.

¹⁴³ Адорно Т. 2005. Указ. соч. С. 36.

¹⁴⁴ Adorno Th. W. Education after Auschwitz // Adorno Th. W. Critical Models: Interventions and Catchwords. New York: Columbia University Press, 1998. P. 196–197.

Адорно делал акцент на создании определенной общественной атмосферы как основном средстве предотвращения повторения катастрофы: «Когда я говорю об образовании после Аушвица, я имею в виду две области: во-первых, детское образование, особенно в раннем возрасте, а во-вторых, общее просвещение, способное обеспечить интеллектуальный, культурный и социальный климат, в котором повторение преступлений прошлого окажется невозможным, обстановку, в которой мотивации, приведшие к ужасу прошлого, будут относительно осознаны»¹⁴⁵

---

¹⁴⁵ Ibid.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.